

СРЕДИ ГРАБИТЕЛЕЙ И УБИЙЦ

И. ПУТИЛИН

18+

— ВОСПОМИНАНИЯ НАЧАЛЬНИКА
СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ —

Иван Дмитриевич Путилин
Среди грабителей и
убийц. Воспоминания
начальника сыскной полиции
Серия «Хроники преступного мира.
Истории из мира криминалистики»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67986285

Среди грабителей и убийц. Воспоминания начальника сыскной полиции:

Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-173943-0

Аннотация

Как определить убийцу с помощью логики, смекалки, провокации и наблюдательности? Как зарождалась криминалистика и как велось следствие? Легендарный начальник сыскной полиции Петербурга Иван Путилин, ставший знаковой фигурой, символом бескорыстной преданности своему призванию, рассказывает о самых интересных и ярких делах, которые ему довелось расследовать за свою сорокалетнюю карьеру.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Анатолий Федорович Кони[1]. Вместо предисловия. Иван Дмитриевич Путилин	5
Иван Путилин в соавторстве с М. Шевляковым.	16
Сорок лет среди грабителей и убийц	
Таинственное убийство австрийского военного агента	16
Кровавая месть страхового инспектора	53
Сумасшедший палач	91
Шайка разбойников-душителей	106
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Иван Путилин

**Среди грабителей и убийц.
Воспоминания начальника
сыскной полиции**

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Анатолий Федорович Кони¹. Вместо предисловия. Иван Дмитриевич Путилин

Начальник петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин был одной из тех даровитых личностей, которых умел искусно выбирать и не менее искусно держать в руках старый петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов². Прошлая деятельность Путилина, до поступления его в состав сыскной полиции, была, чего он сам не скрывал, зачастую весьма рискованной в смысле законности и строгой морали; после ухода Трепова из градоначальников отсутствие надлежащего надзора со стороны Путилина за действиями некоторых из подчиненных вызвало большие на него нарекания. Но в то время, о котором я говорю (1871–1875), Путилин не распускал ни себя, ни своих сотрудников и работал над своим любимым делом с несомненным желанием оказывать действительную помощь трудным задачам следственной части. Этому, конечно, способствовало в значительной степени и влияние таких людей, как, например, Сергей Филиппович Христианович, занимавший долж-

¹ Биографический очерк напечатан в «Русской старине» (1907. – № 12).

² Федор Федорович Трепов (1809 или 1812–1889) – русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант (1867), генерал от кавалерии (1878).

ность правителя канцелярии градоначальника. Отлично образованный, неподкупно честный, прекрасный юрист и большой знаток народного быта и литературы, близкий друг И. Ф. Горбунова³, Христианович был по личному опыту знаком с условиями и приемами производства следствий. Его указания не могли пройти бесследно для Путилина. В качестве опытного пристава следственных дел Христианович призывался для совещания в комиссию по составлению Судебных уставов. Этим уставам служил он как правитель канцелярии градоначальника, действуя – при пересечении двух путей: административного усмотрения и судебной независимости – как добросовестный, чуткий и опытный стрелочник, устраняя искусной рукой, с тактом и достоинством, неизбежные разногласия, могшие перейти в резкие столкновения, вредные для роста и развития нашего молодого, нового суда. На службе этим же уставам, в качестве члена Петербургской судебной палаты, окончил он свою не шумную и не блестящую, но истинно полезную жизнь. Близкое знакомство с таким человеком и косвенная от него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина в строгих рамках служебного долга и нравственного приличия.

Близкое знакомство с таким человеком и косвенная от него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина в строгих рамках служебного долга и

³ Ива́н Фёдорович Горбуно́в (1831–1895) – русский прозаик, мемуарист, актер. Мастер исполнения устных рассказов.

нравственного приличия.

По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, проницательные карие глаза, мягкие манеры и малороссийский выговор были характерными наружными признаками Путилина. Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор и писал недурно и складно, хотя место и степень его образования были, по выражению И. Ф. Горбунова, «покрыты мраком неизвестности». К этому присоединялась крайняя находчивость в затруднительных случаях, причем про него можно было сказать, «qu'il connaissait son monde»⁴, как говорят французы. По делу о жестоком убийстве для ограбления купца Бояринова и служившего у него мальчика он разыскал по самым почти неуловимым признакам заподозренного им мещанина Богрова, который, казалось, доказал свое alibi (инобытность) и с самоуверенной усмешечкой согласился поехать с Путилиным к себе домой, откуда все было им уже тщательно припрятано. Сидя на извозчике и мирно беседуя, Путилин внезапно сказал: «А ведь мальчишка-то

⁴ Что он знал свой мир (*фр.*).

жив!» — «Неужто жив?» — не отдавая себе отчета, воскликнул Богров, утверждавший, что никакого Бояринова знать не знает, — и сознался...

В Петербурге в первой половине семидесятых годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда. Мне наглядно пришлось ознакомиться с его удивительными способностями для исследования преступлений в январе 1873 года, когда в Александро-Невской лавре было обнаружено убийство иеромонаха Иллариона. Илларион жил в двух комнатах отведенной ему кельи монастыря, вел замкнутое существование и лишь изредка принимал у себя певчих и поил их чаем. Когда дверь его кельи, откуда он не выходил два дня, была открыта, то вошедшим представилось ужасное зрелище. Илларион лежал мертвый в огромной луже запекшейся крови, натекавшей из множества ран, нанесенных ему ножом. Его руки и лицо носили следы борьбы и порезов, а длинная седая борода, за которую его, очевидно, хватал убийца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ее валялись на полу в обеих комнатах. На столе стоял самовар и стакан с остатками недопитого чая. Из комода была похищена сумка с золотой монетой (отец Илларион плавал за границей на судах в качестве иеромонаха). Убийца искал деньги между бельем и тщательно его пересмотрел, но, дойдя до газетной бумаги, которой обыкновенно покрывается дно ящиков в комодах, ее не приподнял,

а под ней-то и лежали процентные бумаги на большую сумму. На столе у входа стоял медный подсвечник, в виде довольно глубокой чашки с невысоким помещением для свечки посредине, причем от сгоревшей свечки остались одни следы, а сама чашка была почти на уровень с краями наполнена кровью, ровно застывшей без всяких следов брызг.

В Петербурге в первой половине семидесятых годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда.

Судебные власти прибыли на место как раз в то время, когда в соборе совершалась торжественная панихида по Сперанскому⁵ – в столетие со дня его рождения. На ней присутствовали государь и весь официальный Петербург. Покуда в соборе пели чудные слова заупокойных молитв, в двух шагах от него, в освещенной зимним солнцем келье, происходило вскрытие трупа несчастного старика. Состояние пищи в желудке дало возможность определить, что покойный был убит два дня назад вечером. По весьма вероятным предположениям, убийство было совершено кем-нибудь из послушников, которого старик пригласил пить чай. Но кто мог быть этот послушник, выяснить было невозможно, так как оказа-

⁵ Граф (1839) Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) – русский общественный и государственный деятель, реформатор, законодатель. Выходец из духовного сословия, сын священника, благодаря своим способностям и трудолюбию привлек внимание императора Александра I и, заслужив его доверие, возглавил его реформаторскую деятельность.

лось, что в монастыре временно проживали, без всякой прописки, послушники других монастырей, причем они уходили совсем из лавры, в которой проживал сам митрополит, не только никому не сказавшись, но даже, по большей части, проводили ночи в городе, перелезая в одном специально приспособленном месте через ограду святой обители.

Во время составления протокола осмотра трупа приехал Путилин. Следователь сообщил ему о затруднении найти обвиняемого. Он стал тихонько ходить по комнатам, посматривая туда и сюда, а затем, задумавшись, стал у окна, слегка барабанив пальцами по стеклу. «Я пошлю, – сказал он мне затем вполголоса, – агентов (он выговаривал ахентов) по пригородным железным дорогам. Убийца, вероятно, кутит где-нибудь в трактире, около станции». – «Но как же они узнают убийцу?» – спросил я. «Он ранен в кисть правой руки», – убежденно сказал Путилин. – «Это почему?» – «Видите этот подсвечник? На нем очень много крови, и она натекла не брызгами, а ровной струей. Поэтому это не кровь убитого, да и натекла она после убийства. Ведь нельзя предположить, чтобы напавший резал старика со свечкой в руках: его руки были заняты – в одной был нож, а другою, как видно, он хватал старика за бороду». – «Ну, хорошо. Но почему же он ранен в правую руку?» – «А вот почему. Пожалуйте сюда к комоду. Видите, убийца тщательно перерыл все белье, отыскивая между ним спрятанные деньги. Вот, например, дюжина полотенец. Он внимательно переворачивал каждое, как

перелистывают страницы книги, и видите – на каждом свернутом полотенце снизу – пятно крови. Это правая рука, а не левая: при перевертывании левой рукой пятна были бы сверху...»

Поздно вечером, в тот же день, мне дали знать, что убийца арестован в трактире на станции Любань. Он оказался раненым в ладонь правой руки и расплачивался золотом.

Доставленный к следователю, он сознался в убийстве и был затем осужден присяжными заседателями, но до отправления в Сибирь сошел с ума. Ему, несчастному, в неистовом бреду все казалось, что к нему лезет о. Илларион, угрожая и проклиная...

Путилин был очень возбужден и горд успехом своей находчивости. У судебного следователя, в моем присутствии, пустился он с увлечением в рассказы о своем прошлом. Вот что, приблизительно, как записано в моем дневнике, он нам рассказал тогда.

«Настоящее дело заурядное, да теперь хороших дел и не бывает; так все – дрянцо какое-то. И преступники настоящие перевелись – ничего нет лестного их ловить. Убьет и сейчас же сознается. Да и воров настоящих нет. Прежде, бывало, за вором следишь, да за жизнь свою опасаясь: он хоть только и вор, а потачки не даст! Прежде вор был видный во всех статьях, а теперь что? – жалкий, плюгавый!

Настоящее дело заурядное, да теперь хороших дел и не бывает; так все – дрянцо какое-то. И преступники

настоящие перевелись – ничего нет лестного их ловить.

Ваш суд его осудит, и он отсидит свое, – ну, затем выпшлют его на родину, а он опять возвращается. Они ведь себя сами «Спиридонами-поворотами» называют. Мои агенты на железной дороге его узнают, задержат да и приведут ко мне: голодный, холодный, весь трясется – посмотреть не на что».

Говоришь ему: «Ты ведь, братец, вор». – «Что ж, Иван Дмитриевич, греха нечего таить – вор». – «Так тебя следует выслать». – «Помилуйте, Иван Дмитриевич!» – «Ну какой ты вор?! Вор должен быть из себя видный, рослый, одет по-почтенному, а ты? Ну посмотри на себя в зеркало – ну какой ты вор? Так, мразь одна». – «Что ж, Иван Дмитриевич, Бог счастья не дает. Уж не высылайте, сделайте божескую милость, позвольте покормиться». – «Ну хорошо, неделю погуляй, покормись, а через неделю, коли не попадешься до тех пор, выпшлю: тебе здесь действовать никак невозможно...» То ли дело было прежде, в сороковых да пятидесятых годах. Тогда над Апраксиным рынком был частный пристав Шерстобитов – человек известный, ума необыкновенного. Сидит, бывало, в штофном халате, на гитаре играет романсы, а канарейка в клетке так и заливается.

Я же был у него помощником, и каких дел не делали, даже вспомнить весело! Раз зовет он меня к себе да и говорит:

«Иван Дмитриевич, нам с тобою, должно быть, Сибири не миновать!» – «Зачем, – говорю, – Сибирь?» – «А затем, – говорит, – что у французского посла, герцога Монтебелло, сер-

виз серебряный пропал, и государь император Николай Павлович приказал обер-полицмейстеру Галахову, чтобы был сервис найден. А Галахов мне да тебе велел найти во что бы то ни стало, а то, говорит, я вас обоих упеку куда Макар телят не гонял». — «Что ж, — говорю, — Макаром загодя страшать, попробуем, может, и найдем». Перебрали мы всех воров — нет, никто не крал! Они и промеж себя целый сыск произвели получше нашего. Говорят: «Иван Дмитриевич, ведь мы знаем, какое это дело, но вот образ со стены готовы снять — не крали этого сервиса!» Что ты будешь делать? Побились мы с Шерстобитовым, побились, собрали денег, сложились да и заказали у Сазикова новый сервис по тем образцам и рисункам, что у французов остались. Когда сервис был готов, его сейчас в пожарную команду, сервис-то... чтобы его там губами ободрали: пусть имеет вид как бы был в употреблении. Представили мы сервис французам и ждем себе награды. Только вдруг зовет меня Шерстобитов. «Ну, — говорит, — Иван Дмитриевич, теперь уж в Сибирь всенепременно». — «Как, — говорю, — за что?» — «А за то, что звал меня сегодня Галахов и ногами топал и скверными словами ругался. «Вы, — говорит, — с Путилиным плуты, ну и плутуйте, а меня не подводите.

Вчера на бале во дворце государь спрашивает Монтебелло:

«Довольны ли вы моей полицией?» — «Очень, — отвечает, — ваше величество, доволен: полиция эта беспримерная.

Утром она доставила мне найденный ею украденный у меня сервиз, а накануне поздно вечером камердинер мой сообщил, что этот же самый сервиз заложил одному иностранцу, который этим негласно промышляет, и расписку его мне представил, так что у меня теперь будет два сервиза». Вот тебе, Иван Дмитриевич, и Сибирь!» – «Ну, – говорю, – зачем Сибирь, а только дело скверное». Поиграл он на гитаре, послушали мы оба канарейку да и решили действовать. Послали узнать, что делает посол. Оказывается, уезжает с наследником-цесаревичем на охоту. Сейчас же к купцу знакомому в Апраксин, который ливреи шил на посольство и всю ихнюю челядь знал. «Ты, мил-человек, когда именинник?» – «Через полгода». – «А можешь ты именины справить через два дня и всю прислугу из французского посольства пригласить, а угощение будет от нас?» Ну, известно, свои люди, согласился. И такой-то мы у него бал задали, что небу жарко стало. Под утро всех развозить пришлось по домам: французы-то совсем очумели, к себе домой-то попасть никак не могут, только мычат. Вы только, господа, пожалуйста, не подумайте, что в вине был дурман или другое какое снадобье. Нет, вино было настоящее, а только французы слабый народ: крепкое-то на них и действует.

«Довольны ли вы моей полицией?» – «Очень, – отвечает, – ваше величество, доволен: полиция эта беспримерная...»

Ну-с, а часа в три ночи пришел Яша-вор. Вот человек-то

был! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а уж насчет ловкости, так я другого такого не видывал.

В остроге сидел бессменно, а от нас доверием пользовался в полной мере. Не теперешним ворам чета был. Царство ему небесное! Пришел и мешок принес: вот, говорит, извольте сосчитать, кажись, все. Стали мы с Шерстобитовым считать: две ложки с вензелями лишних. «Это, – говорим, – зачем же, Яша? Зачем ты лишнее брал?» – «Не утерпел», – говорит... На другой день поехал Шерстобитов к Галахову и говорит: «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, никаких двух сервизов и не бывало. Как был один, так и есть, а французы народ ведь легкомысленный, им верить никак невозможно». А на следующий день затем вернулся и посол с охоты. Видит – сервиз один, а прислуга вся с перепоя зеленая да вместо дверей в косяк головой тычется. Он махнул рукой да об этом деле и замолк».

«Иван Дмитриевич, – сказал я, выслушав этот рассказ, – а не находите вы, что о таких похождениях, может быть, было бы удобнее умалчивать? Иной ведь может подумать, что вы и до сих пор действуете по-шерстобитовски...» – «Э-э-эх! Не те времена, и не такое мое положение, – отвечал он. – Знаю я, что похождения мои с Шерстобитовым не совсем-то удобны, да ведь давность прошла, и не одна, а, пожалуй, целых три. Ведь и Яши-то вора – царство ему небесное! – лет двадцать как в живых уж нет».

Иван Путилин в соавторстве с М. Шевляковым. Сорок лет среди грабителей и убийц

Таинственное убийство австрийского военного агента

Вот одно из самых диких и, как потом выяснилось, одно из самых бессмысленнейших преступлений, доставившее мне очень много хлопот и тревог... Слава богу, сыск оказался на высоте и все окончилось благополучно, если только можно в данном случае говорить о каком-то благополучии. Но сначала скажу несколько слов об обстоятельствах и времени, когда случилось это неслыханное по своей дикости преступление.

Это было в начале моей деятельности в качестве первого начальника управления сыскной полиции, учрежденного при Санкт-Петербургском обер-полицмейстере (потом градоначальнике), в 1866 году. Почти одновременно с этим вводились в практику новые судебные уставы, поэтому между представителями созданных судебных учреждений и сыскной частью часто возникали разные недоумения на почве вы-

яснения взаимных прав и прерогатив.

Случай тяжелого испытания, как для новоучрежденной прокурорской и следственной власти, так и для сыска новой организации, представился в 1871 году, когда с учетом личности убитого и могущих отсюда произойти политических недоразумений было категорически потребовано свыше, чтобы преступники были обнаружены немедленно и во что бы то ни стало...

Итак, 25 апреля 1871 года в девятом часу утра мне сообщили, что австрийский военный посол князь Людвиг фон Аренсберг найден камердинером мертвым в своей постели.

Скажу несколько слов о личности и жизни князя.

Он жил на Миллионной улице в бывшем доме князя Голицына, близ Зимнего дворца, как раз напротив помещения первого батальона Преображенского полка. Князь занимал весь нижний этаж дома, который окнами выходил на улицу. Квартира имела два входа: парадный – с выездом на Миллионную, и черный. Парадные комнаты сообщались с людскими довольно длинным коридором, оканчивавшимся небольшими сенями. Верхний этаж дома не был занят.

У князя было шесть человек прислуги: камердинер, повар, кухонный мужик, берейтор и два кучера. Но из всех лишь один кухонный мужик безотлучно находился при квартире, ночуя в людской. Камердинер и повар на ночь уходили к своим семьям, жившим отдельно, берейтор тоже постоянно куда-то отлучался, кучера же жили во дворе в отдельном

помещении.

Князь был человек еще не старый, лет под 60, холостой и прекрасно сохранившийся. Он мало бывал дома. Днем разъезжал по делам и с визитами, обедал обыкновенно у своих многочисленных знакомых и заезжал домой только часов около восьми вечера. Здесь час или два отдыхал, а вечер проводил в яхт-клубе, возвращаясь домой с рассветом.

Не желая, вероятно, иметь свидетелей своего позднего возвращения, а может быть, руководствуясь иными соображениями, но швейцара при парадной входной двери князь не захотел держать и настоял на том, чтобы домовладелец отказал ему. Ключ от парадной двери для ночных возвращений он держал при себе. И когда князь днем бывал дома, то парадная дверь оставалась открытой.

Получив известие о смерти князя Людвиг фон Аренсберга, я, направив к квартиру князя нескольких своих агентов, не теряя ни минуты, сам бросился туда. Вскоре за мной туда же явился прокурор окружного суда, а вслед за ним масса высокопоставленных лиц, в том числе его Императорское Высочество принц Петр Георгиевич Ольденбургский, герцог Мекленбург-Стрелицкий, министр юстиции граф Пален, шеф жандармов граф П. А. Шувалов, австрийский посол граф Хотек, градоначальник Санкт-Петербурга генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов и многие другие... «Отыщи или погибни!» – казалось, говорили мне глаза всех. Надо было действовать...

«Отыщи или погибни!» – казалось, говорили мне глаза всех. Надо было действовать...

Дело взволновало весь Петербург. Государь повелел ежедневно докладывать ему о результатах следствия. Надо сознаться, что при таких обстоятельствах, в присутствии такого числа и таких высоких лиц было не только труднее работать и соображать, но даже, как мне казалось, было поставлено на карту существование самой сыскной полиции, не говоря уже о моей карьере.

Предварительный осмотр дал следующее: никаких взломов дверей или окон не было. Злоумышленник (или злоумышленники) вошел в квартиру, очевидно открыв дверь ключом.

Из показаний прислуги выяснилось, что около шести-семи часов утра камердинер князя вместе с поваром возвратились на Миллионную, проведя всю ночь в гостях. В половине девятого камердинер бесшумно вошел в спальню, чтобы разбудить князя. Но при виде царившего в комнате беспорядка остановился как вкопанный, затем круто повернул назад и бросился в людскую.

– Петрович, с князем несчастье! – задыхаясь, сказал он повару, и они оба со всех ног бросились в спальню, где их глазам представилась картина убийства: опрокинутые ширмы, лежащая на полу лампа, разлитый керосин, сбитая кровать и одеяло на полу. Голые ноги князя торчали у изголовья кровати.

– Оставайся здесь, а я пошлю дворника за полицией, – сказал повар.

Накануне этого несчастного дня, т. е. 24 апреля 1871 года, князь по обыкновению пятнадцать минут десятого вечера вышел из квартиры и приказал камердинеру разбудить себя в половине девятого утра. У подъезда он взял извозчика и поехал в яхт-клуб. Камердинер затворил на ключ парадную дверь, поднялся в квартиру и, подойдя к столику в передней, положил туда ключ. (У князя, как я уже говорил, в кармане пальто всегда находился второй ключ, которым он открывал входную дверь, чтобы не беспокоить никого из прислуги; дверь же от квартиры оставалась постоянно открытой.)

Камердинер убрал спальню, приготовил постель, опустил шторы, вышел из комнат, запер их на ключ и через дверь, которая соединяла коридор с сенями, отправился в людскую, где его поджидал повар. Через пятнадцать минут камердинер с поваром сели на извозчика и уехали. Вот и все, что удалось узнать от прислуги.

В спальне князя царил хаос. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что князь был задушен после отчаянного сопротивления. Лицо убитого было закрыто подушкой, а сам он лежал ногами к изголовью. Руки были сложены на груди и завернуты в конец простыни, а затем перевязаны оторванным от оконной шторы шнурком. Ноги были тоже завязаны выше колен собственной рубашкой убитого, а около щиколоток – обрывком бечевки. Когда труп приподняли,

то под ним нашли фуражку. Одеяло и подушки валялись на полу, залитом керосином из разбитой и валявшейся тут же лампы. На белье были видны следы крови, вероятно от рук убийц, так как на теле князя никаких ран не было.

По словам камердинера, были похищены разные вещи, лежавшие в столике около кровати: золотые французские монеты, золотые часы, два иностранных ордена, 9 бритв, серебряная мыльница, три револьвера и принадлежавшая покойному пуховая шляпа-цилиндр.

В соседней комнате рядом со спальней вся мебель была перевернута. На крышке несгораемого сундука, где хранились деньги князя и дипломатические документы, были заметны повреждения и следы крови. Видимо, злоумышленники потратили много сил, чтобы открыть сундук или оторвать его от пола, но толстые цепи, которыми он был прикреплен к полу, не поддались. Около окна валялся поясной ремень, на окне стояла маленькая пустая «косушка» и лежал кусочек чухонского масла, завернутый в бумагу. Вот все данные, с которыми предстояло начать поиски.

Чтобы иметь еще какие-нибудь улики, я начал внимательно осматривать убитого и обратил внимание на то, что труп князя лежал головой в сторону, противоположную от изголовья кровати. «Это положение трупа не случайное, – подумал я. – Злодеи во время борьбы прежде всего постарались отдалить князя от сонетки, висевшей как раз над изголовьем, чтобы он не смог позвать к себе на помощь спавшего

кухонного мужика. Но так мог поступить, очевидно, только домашний человек, хорошо знавший привычки князя и расположение комнат».

«Это положение трупа не случайное», – подумал я...

Вот первое заключение, сложившееся у меня в те несколько минут, которые я провел у кровати покойного. Само собой разумеется, что этих предположений я не сообщил ни прокурору, ни всему блестящему обществу, присутствовавшему в квартире князя при осмотре.

Я принялся опять за расспросы камердинера, кучеров, конюха, дворника и кухонного мужика. Не надо было много труда, чтобы убедиться, что между ними убийцы нет. Ни смущения, ни сомнительных ответов, вообще никаких данных, бросающих хотя бы тень подозрения на домашнюю прислугу князя, не обнаружилось. И все-таки я не отказывался от мысли, что убийца князя – близкий к дому человек.

Тогда я вновь принялся за расспросы прислуги, питая надежду, что среди их знакомых найдутся подозрительные лица. Надо сказать, что прислуга покойного князя, получая крупное жалованье и пользуясь при этом большой свободой, весьма дорожила своим местом и жила у князя по несколько лет. Исключение в данном случае составлял кухонный мужик, который поступил на работу к князю не более трех месяцев тому назад.

Прекрасная аттестация о нем графа Б., у которого он служил десять лет до отъезда последнего за границу, все собран-

ные о нем сведения и правдивые ответы о том, как он провел последнюю ночь, внушали полную уверенность в его непричастности к этому делу.

Я уже хотел закончить его допрос, как вдруг у меня появилась мысль спросить про кухонного мужика, который жил у князя до его поступления.

– Я поступил к князю, когда уже был рассчитан прежде служивший кухонный мужик, потому я его не видал и ничего о нем не знаю.

Стоявший тут же дворник при последних словах кухонного мужика сказал:

– Да он вчера был здесь.

– Кто это «он»? – спросил я у дворника.

– Да Гурий Шишков, прежний кухонный мужик, служивший у князя! – последовал ответ.

После расспросов прислуги и дворников оказалось, что служивший месяца три тому назад у князя кухонным мужиком крестьянин Гурий Шишков, только что отсидевший в тюрьме свой срок по приговору мирового судьи за кражу, заходил за день до убийства во двор этого дома, чтобы получить расчет за прежнюю службу. Но, не дождавшись князя, ушел, сказав, что зайдет в другой раз.

Предчувствие или опыт подсказали мне, что эта личность может послужить ключом к разгадке тайны.

– Но где же проживает Шишков? У кого он сейчас служит или служил раньше?

На эти вопросы прислуга князя ничего не могла ответить, так как никто ничего не знал.

Немедленно я послал агента в адресный стол узнать адрес Шишкова. Прошел томительный час, пока агент вернулся.

– На жительство, по сведениям адресного стола, Гурий Шишков в Петербурге не значится – вот ответ, который принес агент.

Между тем узнать местожительство Гурия Шишкова было весьма важно. Но как это сделать? Подумав, я приказал полицейскому надзирателю Б. немедленно ехать в тюрьму, в которой сидел Шишков, и постараться получить сведения о крестьянине Гурии Шишкове, выпущенном на свободу несколько дней тому назад. Эти сведения он должен был получить от сидевших с Шишковым и еще отбывающих срок наказания арестантов.

Я был вполне уверен, что этот прием даст желаемые результаты. «Быть не может, – думал я, – чтобы во время трехмесячного нахождения в тюрьме Шишков не рассказал о себе или о своих родных тому, с кем он дружил. Весь вопрос в том, сумеет ли выведать Б. то, что нужно».

«Быть не может, – думал я, – чтобы во время трехмесячного нахождения в тюрьме Шишков не рассказал о себе или о своих родных тому, с кем он дружил. Весь вопрос в том, сумеет ли выведать Б. то, что нужно».

Через три часа я уже знал, что Шишкова во время его за-

ключения навещали знакомые и его жена, жившая, как указал товарищ Шишкова по заключению, на Васильевском острове, у кого-то в кормилицах.

Приметы Шишкова следующие: высокого роста, плечистый, с тупым лицом и маленькими глазами, на лице слабая растительность. Смотрит исподлобья.

– Прекрасно, поезжайте теперь к его жене, – сказал я Б., передавшему мне эти сведения, – и если Шишков там, то арестуйте его и немедленно доставьте ко мне.

– А если Шишкова у жены нет, то арестовать прикажете его жену? – спросил меня Б.

– Но не сразу... Оденьтесь на всякий случай попроще, чтобы походить на лакея, полотера, вообще на прислугу. В этом виде вы явитесь к мамке, конечно, через черный ход, вызовете ее на минуту в кухню и, назвавшись приятелем ее мужа, скажете, что вам надо повидать Гурия. Если же она вам на это заявит, что его здесь нет, то, как бы собираясь уходить, вы с сожалением в голосе скажете: «Жаль, что не знаю, где найти Гурия, а место для него у графа В. было бы подходящее... Шутка сказать, 15 рублей жалованья в месяц на всем готовом. За этим я и приходил... Ну, прощайте, пойду искать другого земляка, время не терпит. Хотел поставить Гурия, да делать нечего». Если и после этого она не укажет вам адреса знакомых или родных, где, по ее мнению, можно найти Гурия, то вам надо будет, взяв дворника, арестовать ее и доставить ко мне, сделав обыск в ее вещах.

Вот что вышло из этого поручения. Между четырьмя и пятью часами вечера к воротам дома по второй линии Васильевского острова подошел какой-то субъект в стареньком пальто, высоких сапогах и шарфом вокруг шеи. Это был переодетый Б. Он вошел в дворницкую и, узнав там номер квартиры, в которой жила г-жа К-ва, пошел с черного хода и позвонил. Дверь отворила кухарка.

– Повидать бы мне надо на пару слов мамку, – произнес Б. просительно.

Кухарка вышла и через минуту возвратилась с мамой. С первых же слов Б. узнал, что мужа ее в квартире нет. Но когда он довольно подробно объяснил цель своего прихода и сделал вид, что собирается уходить, мамка его остановила.

– Ты бы, родимый, повидался с дядей Гурьяна... Он всегда останавливается у него на квартире, когда без места, а у меня он больше трех месяцев не был, хоть срок ему уже вышел. Неласковый какой-то он стал! – с грустью заключила баба.

Кроме адреса дяди, мамка назвала еще два адреса его земляков, где, по ее мнению, можно было встретить мужа. Когда Б. передал мне весь свой разговор с женой Шишкова, я решил сделать одновременно обыск у дяди Шишкова, крестьянина Василия Федорова, проживавшего по Сергиевской улице кухонным мужиком у греческого консула Р-ки, и еще в двух местах по указанным адресам, где можно было бы рассчитывать застать Шишкова.

Обыск у крестьянина Федорова был поручен тому же Б., которому были известны приметы Гурия, а в помощь ему были командированы два агента...

Несмотря на приближение ночи, был уже на исходе девятый час вечера, Б. с двумя агентами и околоточным надзирателем подъехали на извозчиках к дому по Сергиевской улице. Тотчас звонком в ворота были вызваны дворники. Из соседнего дома также по звонку явились два дворника, а по свистку околоточного надзирателя – два городских. Все выходы в доме тотчас были заняты караулом, после чего полицейский чиновник Б. вместе с агентом, околоточным надзирателем и старшим дворником стали взбираться по черной лестнице на второй этаж. Чтобы застать врасплох и исключить возможность сопротивления или сокрытия вещей, Б. распорядился действиями своего отряда так: старший дворник должен был позвонить у черных дверей и, войдя на кухню, спросить у Василия Федорова о Шишкове, за которым прислала его жена с Васильевского острова.

Чтобы застать врасплох и исключить возможность сопротивления или сокрытия вещей, Б. распорядился действиями своего отряда так...

У черных дверей, которые дворник не должен наглухо закрывать, чтобы можно было с лестницы слышать все, что происходит на кухне, и сообразно этому действовать, должны были находиться чиновник Б. и околоточный надзиратель. Агент же должен был занять нижнюю площадку лест-

ницы и по свистку явиться в квартиру.

Старший дворник дал звонок. Дверь тотчас отворила какая-то женщина. Появление в кухне дворника, как весьма обычное явление, никого не встревожило, и все продолжали делать свое дело. Дворник, окинув взглядом кухню, прямо направился к невзрачному человеку, чистившему на прилавке ножи.

– Послушай, Василий, мне бы Гурия повидать, там какая-то баба от жены его прислана.

– Да он тут валяется – должно быть, выпивши! – И Василий крикнул: – Гурьяша, поди-ка сюда! Тут в тебе есть надобность!

Из соседней с кухней комнаты с заспанным лицом и мутным взглядом вышел плечистый малый и буркнул:

– Чего я тут понадобился?

Но не успел он закончить фразы, как его схватили.

– Где эту ночь ночевал? – обратился к Шишкову чиновник Б.

– У дяди, – последовал ответ.

– Василий Федоров, правду говорит племянник?

– Нет, ваше высокородие, это не так. Гурий вышел из квартиры вчерашнего числа около шести часов вечера, а возвратился только сегодня в седьмом часу утра.

Остальная прислуга подтвердила показания дяди об отсутствии племянника в ночь, когда было совершено преступление.

При осмотре у Шишкова было найдено в жилетном кармане 21 рубль кредитными бумажками, из которых на одной трехрублевой бумажке были следы крови. Больше ничего подозрительного не было найдено ни у Шишкова, ни у его дяди.

Когда обыск был закончен, чиновник Б. приказал развязать Гурия, предупредив последнего, что при малейшей его попытке к бегству он будет вновь скручен веревками. Затем его посадили в карету и повезли в сопровождении чиновника Б. и околоточного надзирателя.

Во время дороги Шишков хранил молчание, исподлобья посматривая на полицейских чинов. Спустя полчаса карета подкатила к воротам Управления сыскальной полиции, размещавшегося в то время на одной из самых аристократических улиц города. Итак, к вечеру того же дня, когда было обнаружено убийство, был задержан один из подозреваемых.

Итак, к вечеру того же дня, когда было обнаружено убийство, был задержан один из подозреваемых.

Между тем все подробности происшествия (вид задушенной жертвы, которая нещадным образом была перевязана или, вернее сказать, скручена веревками; время, которое надо было иметь, чтобы оторвать эту веревку от шторы, не выпуская жертвы из рук, так как веревка, очевидно, потребовалась уже после задушения, для безопасности, чтобы не вскопчил придушенный, и, наконец, довольно значительные следы крови и повреждений на несгораемом сундуке, прикованном

к полу), вместе взятые, убеждали меня в том, что тут работал не один человек, а несколько, друг другу помогавших, и потому ограничиться арестом одного из подозреваемых в убийстве – значит, не выполнить всей задачи раскрытия преступления.

Но как обнаружить сообщников преступления? Признание Шишкова и указание на сообщников, несомненно, облегчили бы поиски преступников. Надеюсь на это, я тотчас, по доставлении Шишкова в сыскное отделение, дал знать судебным властям.

По экстраординарности ли преступления или, быть может, потому, что быстрота поимки преступника возбуждала у лиц судебной власти некоторое сомнение насчет того, не захватила ли полиция по излишнему усердию кого ни попало. Шишкова не потребовали на Литейную для допроса, как это делалось обыкновенно, а напротив, все высокопоставленное общество, находившееся в квартире убитого, судебные чины и зрители – все без исключения пожаловали в Управление сыскной полиции.

По экстраординарности ли преступления или, быть может, потому, что быстрота поимки преступника возбуждала у лиц судебной власти некоторое сомнение насчет того, не захватила ли полиция по излишнему усердию кого ни попало.

Прокурор и следователи с некоторым недоверием принялись допрашивать Шишкова, но тот упорно отрицал свою

виновность. Судебным властям предстояло немало с ним поvozиться, но моя роль по отношению к нему была окончена.

Несмотря на то что Шишков не признавался, я был глубоко убежден, что он, несомненно, один из виновников преступления. Я решил искать соучастников Шишкова среди преступников, отбывавших наказание в тюрьме вместе с ним, и с этой целью вновь отправил в тюрьму чиновника Б.

Из его беседы с двумя арестантами, которым, как старым знакомым, не раз побывавшим в сыскном отделении, он привез чаю, сахару и калачей, Б. узнал, что Шишков, вообще не любимый арестантами за свою злобность и необщительность, дружил с одним лишь арестантом – Гребенниковым, окончившим свой срок заключения несколькими днями ранее Шишкова. Те же арестанты в общих чертах сообщили Б. приметы Гребенникова.

Но всякие следы о местопребывании Гребенникова отсутствовали. Ни родных, ни знакомых обнаружить не удалось.

Узнав от Б. эти подробности, я велел дежурному полицейскому надзирателю, чтобы к десяти часам вечера весь наличный состав сыскного отделения был в сборе и ждал моих дальнейших распоряжений.

Около полуночи я собрал агентов и приказал им обойти все трактиры и притоны и собрать сведения о молодом человеке 25–28 лет, высокого роста, с маленькими черными усиками и такою же бородкой, что-нибудь купившим в одном из этих заведений в течение сегодняшнего дня, причем

при расплате он мог рассчитываться французскими золотыми монетами.

– Человек, которого нам нужно найти, – сказал я агентам, – сегодня утром был, вероятно, в сером цилиндре с трауром. Если вы найдете такого господина, не упускайте его из виду, в крайнем случае – арестуйте и доставьте ко мне. Вам же, – обратился я к полицейскому Б. и двум агентам, – поручаю особенно тщательно осмотреть трактирные заведения и постоянные дворы, расположенные по Знаменской улице, а именно трактиры: «Три великана», «Рыбинск», «Калач», «Избушка», «Старый друг» и «Лакомый кусочек». В этих заведениях, если вы не встретите самого Петра Гребенникова, которого, конечно, тотчас арестуйте, то от буфетчиков, половых, маркеров и завсегдатаев получите, конечно, при некоторой ловкости, сведения о местопребывании Гребенникова; старайтесь разузнать, есть ли у Гребенникова любовницы; особое внимание обратите на проституток.

Полчаса спустя один из агентов, юркий М., входил на грязную половину трактира «Избушка». Здесь дым стоял козырьком: из бильярдной слышался стук шаров и пьяные возгласы. Агент протолкался в бильярдную и, сев за столик, спросил бутылку пива. Публика, если так можно назвать сброд, наполнявший трактир, все прибывала и прибывала. Агент, севший в тени, чтобы не обращать на себя внимания, зорко вглядывался в каждого входившего и прислушивался к разговору. Убедившись, наконец, что в бильярдной Гребен-

никова нет, М. сел в общий зал недалеко от буфета. Здесь почти все столики были заняты. Две проститутки были уже сильно навеселе, и около них увивались «кавалеры», среди которых агент без труда узнал многих известных полиции карманных воров и других рыцарей воровского ордена.

Часы пробили половину двенадцатого – оставалось мало времени до закрытия заведения. М. перестал надеяться получить какие-либо сведения о Гребенникове. Вдруг его внимание привлек донесшийся до него разговор.

– Выпил, братец ты мой, он три рюмки водки, закусил балыком и кидает мне на выручку золотой... «Получите, – говорит, – что следует...» Я взял в руки золотой, да уж больно маленький он мне показался. Поглядел, вижу, что не по-нашему на нем написано. «Припасай, – говорю, – шляпа, другую монету, а эта у нас не ходит». «Сразу видно, – говорит он мне, – что вы человек необразованный, во французском золоте ничего не смыслите!» Золотой-то назад взял и «канаречную» мне сунул, ну я ему сорок копеек с нее и сдал. Мне за эти слова обидно стало и говорю ему: «Давно ли, Петр Петрович, форсить в цилиндрах стали? По вашей роже и картуз впору, видно, у факельщика взяли да траур снять позабыли! Это я про черную ленту на шляпе». Ну, а он: «Серая необразованность», – говорит, да и стрекача дал, конфузно, видно, стало! – заключил буфетчик, обращаясь к стоявшему у прилавка испитому человеку в фуражке с чиновничьей кокардой, как видно, своему доброму приятелю.

М. выждал закрытия трактира и, когда трактир опустел, подошел к буфетчику и, объявив ему, кто он, расспросил о приметах человека в цилиндре. По всем приметам это был не кто иной, как Гребенников. От того же буфетчика агент узнал, что утром в трактире была любовница Гребенникова – Мария Кислова.

Заручившись адресом Кисловой и объявив буфетчику, что в случае прихода Гребенникова он должен быть немедленно арестован как подозреваемый в убийстве, М. отправился к Кисловой. Однако дома он застал только ее подругу, которая сообщила, что Кислова не приходила домой с восьми часов вечера (был уже второй час ночи). Сделав распоряжение о немедленном аресте Гребенникова и Кисловой, если они явятся сюда ночевать, М. оставил квартиру под наблюдением двух опытных агентов и отправился в публичные дома на поиски Гребенникова.

В течение целой ночи агенты докладывали мне о своих безрезультатных поисках. Три лица, задержанные благодаря сходству с Гребенниковым, были отпущены. Явился и агент М. Слушая его доклад, я все более убеждался в том, что сегодня Гребенников будет в наших руках.

В течение целой ночи агенты докладывали мне о своих безрезультатных поисках.

Я приказал М. вместе с двумя агентами наблюдать за трактиром «Избушка»; другим агентам – караулить квартиру любовницы Гребенникова, а двенадцати агентам – следить за

всеми трактирами по Знаменской и прилегающим к ней улицам.

Как оказалось, по справкам адресного стола, Гребенников проживал раньше на Знаменской улице, поэтому и можно было ожидать, что, получив деньги, он явится в один из тех трактиров, где был завсегдатаем.

Около семи часов утра, когда открываются трактиры, агент Б. и два его товарища явились на Знаменскую улицу. Пойти прямо в «Избушку» и ждать прихода Гребенникова или его любовницы Б. не решался из опасения, чтобы кто-либо из знакомых Гребенникова, узнав Б., не предупредил бы того, что в трактире его ждут.

Б. решил наблюдать за «Избушкой» из окон находившейся напротив портерной лавки, однако она еще не была открыта. Агенты стали прогуливаться в отдалении, не выпуская из виду «Избушку». Когда портерная открылась, Б., поместившись у окна и делая вид, что читает газету, не спускал глаз с трактира. У другого окна разместился еще один агент. Прошел час, другой, третий...

Приказчик начал недоверчиво посматривать на этих двух немых посетителей. На исходе второго часа в портерную вошел М. и немного спустя другой агент, явившиеся на смену первым двум, которые тотчас удалились. Это дежурство по-сменно продолжалось до вечера. На колокольне Знаменской церкви ударили ко всенощной...

Вдруг со вторым ударом колокола один из дежуривших

вскочил как ужаленный и бросился к выходу... К «Избушке» медленно подходил высокий мужчина в сером цилиндре с трауром. Только он занес ногу на первую ступень лестницы, как неожиданно получил сильный толчок в спину, заставивший его схватиться за перила.

Озадаченный толчком, Гребенников (это был он) в первый момент растерялся. Этим воспользовался Б. и обхватил его. Но Гребенников, увидев опасность, сильно рванулся и освободился от сжимавших его рук. Почувствовав себя на свободе, он бросился вперед, но сейчас же попал в руки Ю. Они схватили Гребенникова за руки. Видя, что сопротивление бесполезно, Гребенников покорился своей участи, произнеся с угрозой:

– Какое вы имеете право нападать на честного человека среди бела дня, точно на какого-нибудь убийцу или вора? Прошу немедленно возвратить мне свободу, иначе я тотчас буду жаловаться прокурору! Не на такого напали, чтобы вам прошло это даром. Вы ошиблись, приняли, вероятно, меня за кого-либо другого. Покажите бумагу, разрешающую вам меня арестовать.

– Причину ареста сейчас узнаешь в сыскном отделении! – проговорил в ответ Б., не переставая вместе с агентом крепко держать за руки Гребенникова. Затем все трое сели в проезжавшую мимо карету и привезли его в сыскное отделение.

Гребенников всю дорогу выражал негодование по поводу своего ареста и обещал пожаловаться самому министру на

своевольные действия полиции.

В сыском отделении Гребенников был обыскан. У него оказались золотые часы покойного князя Аренсберга и несколько французских золотых монет.

Таким образом, к вечеру второго дня после обнаружения преступления оба подозреваемых уже были в руках правосудия. Дальнейший ход дела уже не зависел от сыской полиции, но тем не менее допросы происходили в нашем управлении.

Таким образом, к вечеру второго дня после обнаружения преступления оба подозреваемых уже были в руках правосудия.

Обвиняемые в убийстве князя Аренсберга Шишков и Гребенников не сознавались в преступлении, и это обстоятельство огорчало всех присутствовавших. Многие выражали мне свое явное неудовольствие на неспособность органов дознания добиться от преступников признаний. Щекотливое положение, в котором я оказался благодаря упорному запирательству арестованных, заставило меня доложить обо всем происходившем моему непосредственному начальнику генерал-адъютанту Трепову.

Трепов тотчас же приехал в управление и вошел в комнату, где содержался Гребенников.

– У тебя третьего дня борода была длиннее, когда тебя видели в доме князя Голицына! – сказал генерал, в упор глядя на Гребенникова.

Гребенников, когда-то служивший письмоводителем у следователя, сразу понял, что его хотят поймать на слове, и, немного подумав, спокойно ответил:

– А где же этот дом князя Голицина? Как же могли меня там видеть, когда я и дома-то этого не знаю!

Этот допрос также не дал никакого результата. Шишков тоже не сознавался, отвечая на все вопросы или фразой: «Был выпивши, не помню, где был», либо молчал.

Прокурор, бесплодно пробившийся с Шишковым битых три часа, заявил мне, что ни ему, ни следователю ни один из преступников не признался.

– Хотя для обвинения уже имеются веские улики, – сказал он в заключение, – но было бы весьма желательно, чтобы преступники сами рассказали подробности совершенного ими убийства.

Моя задача, как я думал, была окончена с честью, а между тем я же должен был, как оказывалось, во что бы то ни стало добиться признания. Это было необходимо для того, чтобы убедить австрийского посла в том, что арестованные были настоящими преступниками, о чем он торопился сообщить в Вену.

Убежденный, что общее мнение присутствующих не оскорбит меня подозрением в применении насилия для получения признания у обвиняемых и получив массу уверений, что успех, если он будет достигнут, будет отнесен к моему искусству в допросах, я решил приступить к окончатель-

ному допросу.

По воспитанию и по характеру эти два преступника совершенно не походили друг на друга.

По воспитанию и по характеру эти два преступника совершенно не походили друг на друга. Гурий Шишков, крестьянин по происхождению, совсем не отличался от общего типа преступников из простолюдинов. Мужик по виду и по манерам, он был чрезвычайно угрюм и несловоохотлив. Сердце этого человека, как характеризовали его потом его же родственники, не имело понятия о сострадании.

Товарищ его, Петр Гребенников, происходил из купеческой семьи. В семье он жил в довольстве и даже дома получил некоторое образование. Живя с отцом, занимался торговлей лесом. Он показался мне более развитым, чем Шишков, и более способным к порыву, если задеть его самолюбие – эту слабую струнку даже у закоренелых преступников.

Я решил быть с ним крайне осторожным в выражениях, главное, не быть гневным и устрашающим чиновником, а самым обыкновенным человеком.

– Гребенников, вы вот не сознаетесь в преступлении, хотя против вас налицо много веских улик, но это – дело следствия – так начал я свой допрос. – Теперь скажите мне, неужели вы, отлично, кажется, понимая судебные порядки, неужели вы до сих пор не отдали себе отчета и не уяснили себе, по какому случаю эта торжественная, из ряда вон выходящая обстановка, при которой производится следствие?

Вы видели, сколько там высокопоставленных лиц? Неужели вы объясняете их присутствие простым любопытством? Ведь вы знаете, что если бы это было простое любопытство, оно могло быть удовлетворено на суде. Собрались же они тут потому, что вас велено судить военным судом с применением полевых военных законов. А вы знаете, чем это пахнет?.. – не спуская глаз с лица Гребенникова, с ударением произнес я.

– Таких законов нет, чтобы за простое убийство судить военным судом. Да я и не виновен, значит, меня не за что ни вешать, ни расстреливать... – ответил Гребенников.

– Но это не простое убийство. Вы забываете, что князь Аренсберг состоял в России австрийским военным послом, поэтому Австрия требует, подозревая политическую цель убийства, военного полевого суда для главного виновника преступления. А это, как вы сами знаете, равносильно смертной казни. Я вас хотел предупредить, чтобы вы спасали свою голову, пока еще есть время.

– Я ничего не могу сказать, отпустите меня спать, – сказал Гребенников.

На этом допрос пока кончился. Необходимого результата не было, но я видел, что страх запал в его душу.

На следующий день в шестом часу утра я был разбужен дежурным чиновником, который доложил мне, что Гребенников желает меня видеть. Я велел привести его.

– Позвольте вас спросить, когда же будет этот суд, чтобы успеть, по крайней мере, распорядиться кое-чем. Все-таки

ведь есть близкие люди, – проговорил Гребенников.

И по его голосу я сразу понял, что не для распоряжений ему это нужно знать, а для того, чтобы узнать подробности.

– Суд назначен на завтра, а сегодня идут приготовления на Конной площади для исполнения казни... Вы знаете, какие... На это уйдет целый день...

– Ну так, значит, тут уж ничем не поможешь. За что же это, господи, так быстро? – с нескрываемым волнением проговорил Гребенников.

Я поспешил успокоить его, сказав, что отдалить день суда и даже, может быть, изменить его на гражданский, зависит от него самого.

– Как так? – с дрожью в голосе проговорил Гребенников.

– Да очень просто! Сознайтесь, расскажите все подробно, и я немедленно дам знать, кому следует, о приостановке суда. А там, если откроется, что убийство князя было не с политической целью, а лишь ради ограбления, то дело перейдет в гражданский суд и за ваше искреннее признание присяжные смягчат наказание. Все это очень хорошо сообразил ваш товарищ Шишков. Он еще третьего дня во всем сознался, только уверяет, что он тут почти ни при чем, а все преступление совершили вы. Вы его завлекли, поставили стоять на улице в виде стражи, а сами душили и грабили без его участия... – закончил я равнодушнейшим тоном.

Сознайтесь, расскажите все подробно, и я немедленно дам знать, кому следует, о приостановке

суда. А там, если откроется, что убийство князя было не с политической целью, а лишь ради ограбления, то дело перейдет в гражданский суд и за ваше искреннее признание присяжные смягчат наказание.

Эффект моего заявления превысил все ожидания: Гребенников то краснел, то бледнел.

– Позвольте подумать! – вдруг сказал он. – Нельзя ли водки или коньяку?

– Отчего же, выпейте, если хотите подкрепиться, только не теряйте времени, мне некогда.

Я велел подать коньяку.

– А вы остановите распоряжение о суде? – снова переспросил Гребенников.

– Конечно, – ответил я.

Выпив, Гребенников, как бы собравшись с духом, произнес:

– Извольте, я расскажу. Только уж этого подлеца Шишкова щадить не буду. Виноваты мы действительно: вот как было дело.

Картина преступления, которая обрисовалась из слов Гребенникова, а вслед за ним и Шишкова, была такова.

Накануне преступления Шишков, служивший раньше у князя Аренсберга, зашел в дом, где жил князь, в дворницкую.

– Здравствуй, Иван Петрович, как можешь? – проговорил дворник, здороваясь с вошедшим.

– Князя бы увидеть, – как-то нерешительно произнес Гурий, глядя в сторону.

– В это время их не бывает дома, заходи утром. А на что тебе князь? – спросил дворник.

– Расчетец бы надо получить, – ответил парень. – Ну, да в другой раз зайду. Прощай, Петрович. – И с этими словами пришедший отворил дверь дворницкой, не оборачиваясь, вышел со двора на улицу и скорыми шагами направился к Невскому.

Дойдя до церкви Знаменья, Гурий Шишков повернул на Знаменскую улицу, остановился у окон фруктового магазина и начал оглядываться по сторонам, словно поджидая кого-то. Ждать пришлось недолго. К нему подошел товарищ (это был Гребенников), и они пошли вместе по Знаменской.

– Ну как?

– Все по-старому. Там же проживает и дома не обедает, – проговорил Гурий Шишков.

– Так завтра, как мы распланировали, на том же месте, где сегодня.

– Не замешкайся, как к вечерне зазвонят, будь тут, – проговорил тихим голосом Шишков.

Затем, не сказав более ни слова друг другу, они разошлись.

На другой день под вечер, когда парадная дверь еще была отперта, Гурий пробрался в дом и спрятался вверху под лестницей незанятой квартиры.

Князь, как мы уже знаем, ушел вечером из дома. Камердинер приготовил ему постель и тоже ушел с поваром, затворив парадную дверь на ключ и спрятав ключ в известном месте.

В квартире князя воцарилась гробовая тишина. Не прошло и часа, как на парадной лестнице послышался шорох.

В квартире князя воцарилась гробовая тишина. Не прошло и часа, как на парадной лестнице послышался шорох. Гурий Шишков спустился по лестнице и, дойдя до дверей квартиры, на мгновение остановился. Здесь он отворил входную дверь в квартиру и, очутившись в передней, прямо направился к столику, из которого и взял ключ, положенный камердинером. Осторожными шагами, крадучись, Гурий спустился вниз и отпер взятым ключом парадную дверь.

Затем он снова вернулся наверх и стал ждать...

Уже около 11 часов ночи парадная дверь слегка скрипнула. Кто-то с улицы ее осторожно приоткрыл и тотчас же закрыл, бесшумно повернув ключ в замке. Затем все смолкло. Это был Гребенников. Немного погодя он кашлянул, наверху послышалось ответное кашлянье. После этого условленного знака Гребенников стал подниматься по лестнице.

– Какого черта не шел так долго! – грубо крикнул Шишков на товарища.

– Попробуй сунься-ка в подъезд, когда у ворот дворник пялит глаза, – произнес тот, подойдя к Шишкову.

Затем они оба отправились в квартиру князя, где вошли в спальню.

Это была большая квадратная комната с тремя окнами на улицу. У стены, за ширмами, стояла кровать, около нее помещался ночной столик, на котором лежали немецкая газета, свеча, спички и стояла лампа под синим абажуром. От опущенных на окнах штор в комнате было совершенно темно.

Гурий чиркнул спичку, подойдя к ночному столику, зажег свечку и направился из спальни в соседнюю с ней комнату, служившую для князя уборной.

Гребенников пошел за ним. В уборной между громадным мраморным умывальником и трюмо стоял на полу у стены солидных размеров железный сундук, прикрепленный к полу четырьмя цепями. Шишков подошел к сундуку и стал ощупывать его руками. Гребенников светил ему. Наконец Шишков, нащупав кнопку, придавил ее пальцем, пластинка с треском отскочила вверх, открыв замочную скважину.

– Давай-ка дернем крышку, – проговорил Гребенников.

Оба нагнулись и изо всей силы дернули за выступающий конец крышки сундука: результата никакого. Попробовав еще несколько раз оторвать крышку и не видя от этого никакого толку, Шишков плюнул.

– Нет, тут без ключей не отворишь...

– Вот топора с собой нет, – с сожалением проговорил Гребенников.

– Без ключей ничего не сделать, а ключи он при себе но-

сит.

– А ты не врешь, что князь в бумажнике держит десять тысяч?

– Камердинер хвастал, что у князя всегда в бумажнике не меньше, и весь сундук, говорил, набит деньжищами! – отрывисто проговорил Шишков.

Оба товарища продолжали стоять у сундука.

– Ну, брат, – прервал молчание Шишков, – есть хочется!

Гребенников вынул из кармана пальто трехкопеечный пеклеванник, кусок масла в газетной бумаге и все это молча передал Шишкову.

На часах в гостиной пробило двенадцать.

Тогда Шишков и Гребенников опять перешли в спальню и сели на подоконники за спущенные шторы, которые их совершенно закрывали.

– С улицы бы не увидали, – робко проговорил Гребенников.

– Не увидишь, потому что шторы спущены, рано, брат, робеть начал! – насмешливо проговорил Шишков, закусывая хлебом.

Четвертый час утра. На Миллионной улице почти совсем прекратилось движение. Но вот издали послышался дребезжащий звук извозчичьей пролетки, остановившейся у подъезда.

Князь, расплатившись с извозчиком, не спеша вынул из кармана пальто большой ключ и отпер парадную дверь. За-

тем он, как всегда, запер дверь и оставил ключ в двери. Войдя в переднюю, он зажег свечку и вошел в спальню.

Подойдя к кровати, князь с усталым видом начал медленно раздеваться. Выдвинув ящик у ночного столика, он положил туда бумажник, затем зажег вторую свечу и лег в постель, взяв со столика немецкую газету. Но через некоторое время положил ее обратно, задул свечи и повернулся на бок, лицом к стене.

Прошло полчаса. Раздался легкий храп. Князь, видимо, заснул. Тогда у одного из окон портьера тихо зашевелилась, послышался легкий, еле уловимый шорох, после которого из-за портьеры показался Шишков. Он сделал шаг вперед и отделился от окна. В это же время заколебалась портьера у второго окна, и из-за нее показался Гребенников.

Затаив дыхание и осторожно ступая, Шишков поминутно останавливался и прислушивался к храпу князя.

Затаив дыхание и осторожно ступая, Шишков поминутно останавливался и прислушивался к храпу князя.

Наконец Шишков у столика. Надо открыть ящик. Руки его тряслись, на лбу выступил пот... Еще мгновение, и он протянул вперед руку, ощупывая ручку ящика. Зашуршала газета, за которую он зацепил рукой... Гурий замер. Звук этот, однако, не разбудил князя. Тогда Шишков стал действовать смелее. Он выдвинул наполовину ящик и стал шарить в нем, ища ключи. Нашупав ключи, он начал медленно вытаскивать

их из ящика, но вдруг один из них, бывших на связке, задел за мраморную доску тумбочки, послышался слабый звон... Храп прекратился. Шишков затаил дыхание.

– Кто там? – явственно произнес князь, поворачиваясь.

За этим вопросом послышалось падение чего-то тяжелого на кровать – это Шишков бросился на полусонного князя. Гребенников, не колеблясь ни минуты, с руками, вытянутыми вперед, также бросился к кровати, где происходила борьба Шишкова с князем. В первый момент Гурий не встретил сопротивления, его руки скользнули по подушке, и он натолкнулся в темноте на руки князя, которые тот инстинктивно протянул вперед, защищаясь. Еще момент – и Гурий всем телом налег на князя. Последний с усилием высвободил свою руку и потянулся к сонетке, висевшей над изголовьем. Шишков уловил это движение и, хорошо сознавая, что звонок князя может разбудить кухонного мужика, обеими руками схватил князя за горло и изо всей силы развернул его на постели.

Князь стал хрипеть, тогда Шишков, или из опасения, чтобы эти звуки не были услышаны, или из желания скорее покончить с ним, схватил попавшуюся ему под руку подушку и ею продолжал душить князя. Когда князь перестал хрипеть, Шишков с остервенением сорвал с него рубашку и обмотал ею горло князя.

Гребенников, как только услышал, что Гурий бросился вперед к месту, где стояла кровать князя, не теряя времени

бросился ему на помощь. Задев в темноте столик и опрокинув стоявшую на нем лампу, он, не зная и не видя ничего, очутился около кровати, на которой уже происходила борьба князя с Шишковым, и тоже начал душить князя. Но вдруг он почувствовал, что руки его, душившие князя, начинают неметь. Ощутив боль и не имея возможности владеть руками, Гребенников ударил головой в грудь наклонившегося над ним Шишкова, опьяневшего от борьбы.

– Что ты со мной, скотина, делаешь! Пусти мои руки!..

Придя в себя от удара и слов Гребенникова, Шишков перестал сдавливать горло князя и вместе с ним и руки Гребенникова, обвившиеся вокруг шеи последнего. Давил он рубашкой князя, которую сорвал с него во время борьбы. Освободив руки Гребенникова, Гурий вновь рубашкой перекрутил горло князя, не подававшего никаких признаков жизни.

Оба злоумышленника молча стояли около своей жертвы, как бы находясь в нерешительности, с чего бы им теперь начать? Первым очнулся Шишков.

– Есть у тебя веревка?

Гребенников, пошарив в кармане, ответил отрицательно.

– Оторви шнурок от занавесей да зажги огонь! – проговорил Шишков.

Когда шнурок был принесен, Гурий связал им ноги задушенного князя, из боязни, что князь, очнувшись, может встать с постели.

После этого товарищи принялись за грабеж: из столика

они вынули бумажник, несколько иностранных золотых монет, три револьвера, бритвы в серебряной оправе и золотые часы с цепочкой. Из спальни с ключами, вынутыми из ящика стола, Шишков с Гребенниковым направились в соседнюю комнату и приступили к железному сундуку. Но все их усилия отпереть сундук ни к чему не привели. Ни один из ключей не подходил к замку. Тогда они стали еще раз пробовать оторвать крышку, но все напрасно – сундук не поддавался.

После этого товарищи принялись за грабеж: из столика они вынули бумажник, несколько иностранных золотых монет, три револьвера, бритвы в серебряной оправе и золотые часы с цепочкой.

Со связкой ключей в руке Шишков подошел к письменному столу и начал подбирать ключ к среднему ящику. Гребенников ему светил.

Но вот Гурий прервал свое занятие и начал прислушиваться: до него явственно донесся шум проезжающего экипажа. Гребенников бросился к окну, стараясь разглядеть, что происходит на улице.

– Рядом остановился... господин... Пошел в соседний дом, – проговорил почему-то шепотом Гребенников.

Вдали послышался шум ехавшей еще пролетки. На лицах Шихова и Гребенникова выразилось беспокойство.

– Надо уходить... скоро дворники начнут панели мести и тогда... крышка! – проговорил Гурий, отходя от письменного стола.

Оба были бледны и дрожали, хотя в комнате было тепло. Шишков вышел в переднюю. Взглянув случайно на товарища, он заметил, что на том не было фуражки.

— Ты оставил фуражку там... у постели, — сказал он товарищу. — Пойди скорей за ней, а я тебя обожду на лестнице.

Видя страх, отразившийся на лице Гребенникова, Шишков повернулся, чтобы пойти самому в спальню за фуражкой, но тут взгляд его случайно упал на пуховую шляпу князя, лежавшую на столе в передней. Недолго думая он нахлобучил ее на голову Гребенникова, и они осторожно начали спускаться по лестнице. Отперев ключом парадную дверь, они очутились на улице и пошли по направлению к Невскому.

Проходя мимо часовни у Гостиного двора, они благоговейно сняли шапки и перекрестились широким крестом. Шишков, чтобы утолить мучившую его жажду, напился святой воды из стоявшей чаши, а Гребенников, купив у монаха за гривенник свечку, поставил ее перед образом Спасителя, преклонив перед иконой колени...

Затем они расстались, условившись встретиться вечером в трактире на Знаменской. При прощании Шишков передал Гребенникову золотые часы, несколько золотых иностранных монет и около сорока рублей денег, вынутых им из туго набитого бумажника покойного князя.

Так выяснилось и объяснилось дело.

Впечатление, произведенное сознанием Гребенникова,

было громадное. Австрийский посол граф Хотек лично приезжал благодарить меня и любезно предложил мне походатайствовать за меня перед Его Величеством Императором Австрийским награду.

После признания преступников дело пошло обычным порядком и вскоре состоялся суд. Убийцы были осуждены к каторжным работам на 17 лет каждый.

Кровавая месть страхового инспектора

Дело, о котором я хочу рассказать, в 80-х годах прошлого столетия взволновало весь Петербург своим мрачным романтическим характером, глубокой и страшной психологичностью и горячим сочувствием большинства (особенно дам) к молодым несчастным преступникам. Но, помимо этого интереса, оно являлось крайне занимательным по сложной истории разоблачения преступников.

7 августа 188... года рано утром коридоры одной из известных столичных гостиниц огласились страшным криком.

Дежурный коридорный Алексей Полозов в 9 часов утра, по обычаю гостиницы, постучал в 3-й номер, чтобы разбудить постояльца, и, не добившись ответа, толкнул дверь, которая оказалась незапертой. Войдя в помещение, он заглянул в альков и в паническом ужасе побежал назад, оглашая коридор криками. Постоялец, полуодетый, лежал в кровати, весь залитый кровью, с обезображенным лицом и перерезанным горлом. Администрация гостиницы всполошилась. Во все стороны были посланы слуги с оповещением судебных властей.

Дело в том, что гостиница, в которой случилось это несчастье, стояла на особом положении. С огромной массой номеров, она предназначалась для приезжающих, но не по желез-

ной дороге из провинций, а для приезжающих (и приходящих) со всех концов столицы парочек, ищущих тихого приюта для сладкого любовного свидания. В громадном доме на углу пересечения двух самых оживленных улиц, с двумя замаскированными подъездами, с прекрасным рестораном и «со всеми удобствами», эта гостиница и сейчас пользуется среди жуиров и боязливых любовников славой скромного и безопасного убежища. И здесь-то в ночь с 6 на 7 августа совершилось кровавое преступление.

Спустя час я уже находился в гостинице со своим помощником и агентом Ж. и производил осмотр злополучного номера, а еще через полчаса приехали товарищ прокурора, следователь и врач. Мы продолжали осмотр.

Третий номер считался «дорогим», так как стоил более пяти рублей и состоял из большой, хорошо меблированной комнаты, разделенной драпировками как бы на три. При входе в номер тяжелые драпировки прямо и справа образовывали прихожую, где были вешалка и столик с графином и стаканом. На вешалке оказалось дорогое драповое пальто, под ним кожаные галоши с буквами К. К. и в углу дождевой зонтик с ручкой из слоновой кости.

За драпировкой прямо было нечто вроде гостиной. Ковер во всю комнату, мягкая мебель, трюмо и стенное зеркало, высокий шкаф, маленькие столики и большой передвижной стол, покрытый белой скатертью поверх плюшевой. На этом столе оказалась бутылка недопитого красного вина, два ста-

кана, десертные тарелки, два ножа для фруктов и спираль кожуры, снятой с дюшес. На одном из кресел лежали плюшевая мужская шляпа и перчатки, на другом – брошенный серый драповый пиджак.

За драпировкой из передней направо находились кровать, ночной столик и умывальник. На одном столике лежали золотые очки, золотые часы с массивной цепью и портмоне. На кровати лежал убитый. Без сапог, в черных шелковых носках, весь расстегнутый и полуобнаженный, он лежал навзничь на подушках и простынях, заскорузлых от массы пролитой крови. Руки были раскинуты, и короткие волосатые пальцы рук сжаты в кулаки. Голова была закинута, и на шее зияла широкая и глубокая рана. Лица убитого разглядеть было нельзя. Оно во всех направлениях было исполосовано ножом и покрыто толстой коркой запекшейся крови. Но по сидящим волосам на коротко остриженной бороде и по изрядной лысине на голове – это был, несомненно, пожилой человек.

Кто он? Каковы его имя, звание, положение? При нем не оказалось ни визитных карточек, ни записной книжки, ни письма, по которым можно было бы определить его личность. Только метка на тонком белье и платки с буквою К., да буквы на галошах, да пальто с фирмой «Корпуса» давали слабую надежду на возможность определения его личности.

Врач произвел наружный осмотр. По его мнению, на жертву напали во время сна и сильным ударом ножа по горлу по-

грузили ее в вечный сон, после чего, вероятно в злобе, стали обезображивать лицо убитого, нанося и резаные, и колотые раны.

Кто был с ним? В эту гостиницу одних не пускают. С кем он пришел?

Мы позвали коридорного и лакеев и сняли с них первые показания. Сразу выяснилось, что убитому была устроена ловушка.

Первое показание сделал лакей, дежуривший днем, Егор Васильев:

– Часов в пять или в половине шестого пришла барышня под вуалькой...

– Почему вы знаете, что барышня? Что значит «барышня»?

– То есть девица. Мы их всегда сразу отличим от какой-нибудь барыни...

– Ну?

– Пришла и говорит: «Мне приготовьте номер, только хороший. Я в девять часов с господином буду!» – «Сделайте такое одолжение! Какой прикажете?» Показал я номера, выбрала она этот самый, заплатила деньги и говорит: «Я тут и вино оставлю!» – «Пожалуйста!» Она оставила эту бутылку и ушла. После пришли еще господин с дамой, с настоящей дамою, сняли номер второй, рядом; потом разные приходили, уходили. Я сменился, сказал про номер Алексею и ушел. Больше ничего не видел и не знаю.

Алексей Полозов видел и знал больше.

– Через полчаса, как я сменил Егора, пришли господин, этот самый, в очках, с зонтиком, почтенный такой, и барышня. Барышня сейчас: «Где наш номер?» Я их провел...

– Лицо видели?

– Нет. В вуали. Высокая, тоненькая, и волоса будто рыжие.

– Провели. А потом?..

– Потом барышня приказала дать стаканы, миндального пирожного и открыть бутылку, а господин два дюшеса заказал. Я это сделал...

– А барышня все была в вуали?

– Нет. Она в эту пору за драпировкой была. Так или в кровати – не могу знать...

– Ну, ну... сделали?

– И ушел. Часов в одиннадцать барышня вышла и говорит: «Барина разбуди в девять часов утра. Он заснул». И ушла. Я вошел в номер, заглянул, вижу лежит. Мне что? Дело обычное...

– Значит, вы входили после этой барышни?

– Входил.

– Что же, он был убит?

– Не могу сказать. В комнате темно. Вижу: лежит. Мне такое и в голову не пришло. Поглядел. Окликнул... молчит. Запер дверь и оставил, а утром вошел – и вот! – Он развел руками. – Такое несчастье!

– Барышню эту узнали бы?

– Надо думать, потому фигурой такая заметная и волос рыжий.

– Надо ее искать, – решительно заявил следователь.

В то время как мы снимали допросы в лучшем номере гостиницы, мой агент Ж. со свойственными ему терпением и внимательностью чуть не в третий раз производил осмотр 3-го и соседнего с ним 2-го номеров.

Я, слушая показания прислуги, с нетерпением ждал Ж. с его отчетом. Вот он показался в дверях и таинственно кивнул мне головою. Я подошел к нему. Оказалось, он действительно сделал важные открытия и почти в ответ на возглас следователя сказал:

Я, слушая показания прислуги, с нетерпением ждал Ж. с его отчетом. Вот он показался в дверях и таинственно кивнул мне головою.

– Дело принимает совершенно другой оборот.

– А что такое? – спросили все.

– Пожалуйте опять в номер, – пригласил я всех.

Следователь и товарищ прокурора снова перешли в 3-й номер.

Я провел их в часть комнаты, представляющую собой гостиную, и там Ж. торжественно указал нам на большой зеркальный шкаф.

– В чем дело?

– Дело в том, что он сдвинут! Вы видите?

Шкаф действительно оказался отодвинутым от стены, что

при входе в комнату сразу не было заметно.

– За шкафом, – объяснил я, – находится дверь.

– Из соседнего второго номера, – прибавил Ж.

– Убийцы – это господин и дама, снявшие второй номер, они были здесь, а когда уходили, испачкали дверь кровью. Извольте посмотреть. И пол закапан стеарином.

Все двинулись следом за агентом. Шкаф был отодвинут настолько, что тучный товарищ прокурора едва мог протиснуться между ним и стеной. Они осмотрели пол и закрытую дверь. На левой половине двери виднелись кровавые отпечатки пальцев, на полу – следы стеарина.

По указанию агента мы перешли во 2-й номер. Там на преддиванном столе стояли два стакана, бутылка белого вина, полбутылки из-под коньяка и в подсвечнике обгоревшая свечка; в алькове за подушками оказалось полотенце, которым, видимо, вытирали вымытые руки и затирали кровавые пятна, а таз в умывальнике был полон мыльной воды, окрашенной кровью.

Агент Ж., показывая одно за другим, бросающееся в глаза, оживленно говорит:

– Это убийство без цели грабежа. Вероятно, какая-нибудь месть, но весь план тонко обдуман. Жертву завлекла девушка. Может быть, она подкуплена, может быть, она соучастница. Она завела его и, кажется, опоила. Надо исследовать вино. Ведь она принесла его с собой. Опоила и подала знак в соседний номер. Там уже ждали, отодвинув шкаф и отворив

дверь.

– Чем?

– Эту дверь-то! Ведь она без замка. Ее просто захлопнули и вынули ручку. Вставьте закрытый перочинный нож, толстый карандаш, еще лучше стамеску – и дверь открыта.

– Так, так! – довольным тоном воскликнул я. – Они вошли и прикончили его спящим.

– Убивал он, – оживляясь, говорил агент, – а она светила и дрожала. Смотрите, как оплыла свечка, а там и подушка, и простыня закапаны стеарином. Мы найдем у нее на платье такие же следы.

– Если найдем ее!

– В этом и вся задача!.. Затем, – продолжал Ж., – они вернулись в номер, закрыли дверь, задвинули шкаф... Обратите внимание на пол подле шкафа: на нем ясны следы от ножек, когда двигали шкаф. Его отодвинули до этого места! – И Ж. указал на глубокие черты, оставленные на паркете, прикрытом ковром.

– После этого они тщательно вымылись, оглядели платье и... уехали!

Я только одобрительно кивал головою. Этот Ж. был всецело моим учеником; я и впоследствии много раз удивлялся его сообразительности и способностям.

– Похоже на истину, – процедил следователь.

– Надо теперь снова переспросить прислугу, – сказал товарищ прокурора, и мы перешли снова в 1-й номер.

Вызвали снова и дневного, и ночного коридорных. Егор Васильев повторил показание: пришла девица, заказала 3-й номер, а почти следом за ней пришли господин с дамой и заняли 2-й номер. Он подал им сперва весь обед, только они мало кушали, а потом бутылку белого вина и 1/2 бутылки коньяку.

– Вы, значит, могли их рассмотреть?

– Ни к чему, – ответил Егор, – у нас народу что на ярмарке, и не глядишь. Опять барыня лицо укрывали. Как я войду, они в окошко глядят и ко мне спиной.

– А барин?

– Тот такой высокий, красивый. Светлая борода и одет шикарно, в синий пиджак и с цепочкою.

– Узнали бы вы его на улице?

Коридорный замялся:

– Может, и узнал бы...

Алексей Полозов, тот, что служил ночью, сменил Егора.

– Гости из второго номера при вас ушли?

– Точно так.

– Когда?

– Да уж под утро. Надо полагать, в шестом часу...

– Торопились?

– Не так чтобы...

– Вы осмотрели после них номер?

– Ни к чему. Взять у нас нечего, и господа не такие, а номера мы убираем утром, все сразу.

Первые допросы окончились. Власти уехали. Все несомненно свидетельствовало о тонко обдуманном преступлении, но концы его словно были схоронены в воду.

Первые допросы окончились. Власти уехали. Все несомненно свидетельствовало о тонко обдуманном преступлении, но концы его словно были схоронены в воду. Все было тайной. В громадном Петербурге трудно найти человека только по наружным приметам, особенно если он принадлежит к интеллигентному сословию, где все более или менее похожи друг на друга.

Убитый был неизвестен. Несомненно, судя по костюму, золотым часам и кошельку с 62 рублями, он был состоятельным человеком: его имя и фамилия начинались с буквы К., и пальто он заказывал у Корпуса. Но это и все.

Приведшая его женщина была, по определению слуги, из «этих», но найти ее тоже было нелегко, потому что она могла быть и незарегистрированной, т. е. неизвестной полиции.

Наконец, главные виновники не оставили после себя никаких следов. Известно только то, что он был с русой бородой, высокий ростом, а у нее на платье, вероятно, остались следы стеарина.

И все.

Я тотчас распорядился через полицию, чтобы дворники проследили, не пропал ли кто из жильцов с ночи 6 августа, а затем через ту же полицию приказал, чтобы ко мне

явился извозчик, который взял утром, между 5 и 6 часами, 7 августа двух седоков, барыню с барином, от гостиницы или с одной из двух улиц, на углу которых она стоит; и наконец, лакея Егора Васильева командировал в Рождественскую часть, где обычно производился врачебно-полицейский осмотр всех гуляющих по бланку.

Распоряжения эти тотчас дали необходимые результаты.

На другое утро ко мне явился извозчик, который показал, что он взял таких седоков за три дома от гостиницы. Господин с большой светлой бородой нанял его на Варшавский вокзал.

– Торговался?

– Торговался. Я спросил пятьдесят копеек, а он давал тридцать, за сорок уговорились.

Он повез их по Измайловскому проспекту. На углу Первой роты господин высадил даму, а сам поехал на Варшавский вокзал, где и сошел.

– Ты бы его узнал?

– В лицо непременно.

Я распорядился найти извозчика, который около шести часов утра 7 августа посадил даму, но такого не нашлось. Очевидно, дама или дошла до своего дома пешком, или взяла извозчика, запутав свой след.

След действительно как будто потерялся, но я знал, что не сегодня-завтра он снова объявится, и не обманулсЯ.

На другой же день вечером из 2-го участка Литейной ча-

сти мне сообщили, что старший дворник одного из домов оповестил их об исчезновении хозяина Кузьмы Федоровича Кузнецова, ушедшего вечером на Спаса, то есть 6 августа.

К. и К.!

Я поручил Ж. расспросить дворника. Он тотчас вызвал его и показал ему пальто, шляпу и зонтик, которые тот сразу признал за вещи своего барина.

– Ну, брат, – сказал Ж., – твоего барина, значит, уже нет в живых. Убили! Родные есть у него?

– Брат – полковник, сестрица – вдова генерала, а у самого дочка, подросточек.

– Что же он, вдовец?

– Девятый год уже вдовее!

Родные Кузнецова тотчас были оповещены, и труп его был перевезен к нему на квартиру. Ж. тотчас же занялся опросом всех лиц, окружающих убитого. В то время как совершались панихида и похороны, он успел разузнать все главные черты жизни и характера убитого.

Кузьма Федорович Кузнецов был богатым домовладельцем. Раньше он служил в полку, вышел в ранних чинах в отставку и жил доходами, иногда играл на бирже. Он был вдов, имел дочь Лизу, четырнадцати лет, при которой находилась гувернантка, девица 23 лет, очень красивой наружности.

Кузнецов любил пожить весело и праздно. Лакей и горничная намекали, что он жил с гувернанткой, как раньше жил с ее предшественницами, причем не брезговал и гор-

ничными. Случалось часто, что, уйдя вечером, он не ночевал дома, но на другой день к завтраку он уже всегда сидел за столом на своем месте.

— Какого он характера?

— Характером веселый, мягкий, а красивая женщина могла с ним сделать все, что хочет.

— Не было ли у него врагов?

— Не должно бы быть...

И все.

В первый раз и я, и Ж. почувствовали себя смущенными. Словом, шли-шли и вдруг уперлись в стену. Ни из чьих показаний нельзя было ухватить конца нити, и только смутно чувствовалось, что в этом преступлении должна быть романтическая подкладка, но убитый унес свою тайну в могилу, а убийцы скрылись бесследно...

Коридорный Егор Васильев две недели продежурил на осмотрах, но не увидел той женщины, с которой приходил убитый. Извозчик, которому было поручено, если увидит своего бывшего седока, указать на него полиции, не объявлялся, и следы, по-видимому, были утрачены.

Я начинал терять терпение, агент Ж. лишился сна и аппетита и всячески ломал голову над всевозможными планами.

Я начинал терять терпение, агент Ж. лишился сна и аппетита и всячески ломал голову над всевозможными планами. Время шло, а преступники не объявлялись. Казалось, надо

было отказаться от дела, но на помощь пришел случай.

Однажды Ж. около полуночи шел по Невскому мимо Казанского собора. Впереди него шли две девушки и громко разговаривали.

– Я бы на ее месте тоже ничего не сказала. Затаскают!

Другой бы из агентов, быть может, не обратил внимания на эти слова, но Ж. словно что-то толкнуло: при этих словах он замедлил шаги.

– А так хуже. Думают, что она убила, – возразила другая.

– Сонька-то! – воскликнула первая и захохотала.

Ж. решил не терять момента. Он быстро догнал их, взял под руки и, идя между ними, спросил:

– Про какую Соньку вы, милочки, говорите и почему могут думать, что она убила?

Девушки испуганно рванулись от него, но он крепко придержал их за руки.

– Оставьте нас! Что вам нужно? Мы так себе разговариваем! – закричала одна.

– Мы ничего не знаем, – прошептала другая.

– Душечки, чего вы боитесь? – проговорил Ж. вкрадчиво. – Вы говорили про Соньку. Скажите, где она живет, как ее фамилия, и идите с Богом! Не скажете – я вас заарестую, потому что я... – И он тихо назвал свое страшное звание.

Девушки затрепетали. Первая сказала:

– Я не знаю ее фамилии. Она работает у мадам Жано, шьет, а все зовут ее Сонька-гусар.

– А живет она?

– Мы не знаем...

– А где ее можно найти?

– Не знаем! Впрочем...

– Она бывает у Филиппова, – сказала другая.

– И вы мне ее укажете, а я угощу вас шоколадом, – тотчас ответил Ж. и закричал: – Извозчик!

Счастье улыбнулось Ж. Едва вошли они в кофейную, как одна из девушек толкнула Ж. и сказала:

– Вон она, с телеграфистом!

– Сядем и будем пить шоколад, – спокойно ответил Ж. и усадил своих дам за столик, соседний с тем, который занял телеграфист.

Девушки поздоровались с той, которую звали Сонькой-гусаром. Она оказалась стройной, красивой блондинкой с большими синими глазами. Когда она смеялась, обнажался ряд мелких белых зубов, и она казалась еще милее.

– Завтра варьете открывают. Будете? – спросила она звонким голосом у спутниц Ж.

– Нет... Да... – ответили они смущенно, видимо тяготясь своей ролью по отношению к подруге.

– А я непременно!

– А кто у вас кавалером? – спросил Ж.

Телеграфист гневно посмотрел на нее, а она звонко засмеялась:

– А кто захочет! Хотите, вы... С удовольствием!

– Где вы живете?

– Ямская, дом пятнадцать, квартира пять! Спросите Соньку-гусара.

Ж. встал и весело протянул ей руку:

– Значит, по рукам?

– По рукам! – ответила она и хлопнула его по руке.

Телеграфист стал угрюмо торопить ее и позвал лакея для расчета.

– Сплавьте его, – указывая глазами на телеграфиста, шепнул ей Ж.

– А вы их!

Он кивнул и тоже стал рассчитывать.

Она ушла следом за телеграфистом. Ж. расплатился, поблагодарил девушек, хотя они брезгливо отвернулись от него, и пошел к дверям, когда в кофейную вбежала Сонька-гусар.

– Ну, скорее, на извозчика! – весело сказала она Ж., хватая его за руку.

Он вышел и позвал извозчика.

– Прямо по Невскому! – приказал он.

– Куда же мы?

– Там сообразим, – сказал он и, посадив ее в пролетку, сел сам и крепко обнял ее. – Пошел!

Пролетка, дребезжа, покатилась...

– Куда же мы поедем? – опять спросила девушка, и в голосе ее послышалась тревога.

– На Морскую, милочка. Я... – И Ж. объявил свое звание и прибавил: – Вы не пугайтесь. Если вы ни при чем, мы вас отпустим, только нам надо расспросить вас об убитом в гостинице госте.

– Я не убивала! – порывисто воскликнула она.

– Тсс! – остановил ее Ж. – Услышит извозчик, чего хорошего... Налево, по Морской! – распорядился он, обратившись к извозчику, и продолжал говорить девушке: – Не убивали, тем лучше. Расскажите нам, откуда достали вы этого старичка и где вино купили. Все, одним словом...

Девушка резко встряхнулась:

– Расскажу – не поверите. Пропала я!

Ж. рассказывал, что после этих слов он сразу уже поверил в ее невинность, но роль его – чисто служебная, и самое дело требовало ее задержания.

Они приехали. Ж. тотчас вызвал меня. Я поднялся в свой кабинет и позвал Ж. с девушкой, предоставив возможность ему снять с нее показания. Он усадил ее на стул, взял в свои ее руки и ласково сказал:

– Не пугайтесь! Расскажите все, что знаете!

– И вы меня отпустите? – быстро спросила она.

Он пожал плечами:

– До завтра уж ни в каком случае, а там как начальство решит.

Она опустила голову и горько заплакала.

– Я тут ни при чем. Я даже не знала, что его убить хотят.

Я думала, это так, для развода...

– Вот, вот. Вас, значит, приглашали? Кто? Как? Когда? Все по порядку. Ну!

Девушка вытерла слезы и решительно сказала:

– Ну, пишите. Я все расскажу!

– Отлично! Но я писать не буду. Говорите!

Она удобнее уселась на стуле и стала рассказывать:

– Я не помню, когда это было. Вероятно, недели за две до самого убийства. Я сидела у Филиппова, кофе пила, одна. И вот вошел господин, занял столик и все на меня смотрит. Я ему улыбнулась, он и пересел к моему столику.

– Какой он по виду был?

– Высокий такой, красивый, с большой светлой бородой.

Шляпа была мягкая, хорошая, и пальто хорошее...

Я кивнул:

– Ну и подсел...

– Подсел, – продолжила Сонька-гусар, – угостил меня, шутить стал и потом спросил мой адрес, велел мне домой идти и сам приехал; вино привез, икру...

– Назвал себя?

Девушка отрицательно покачала головой:

– Разве нам назовут! Мы и не спрашиваем даже.

– Ну!

– Уехал и пропал. Потом опять приехал, повез меня на Крестовский, оттуда к Палкину. Сидит со мной в кабинете и говорит: «Хочешь, Катя, пятьдесят рублей заработать?» Я

в ответ засмеялась и говорю: «Очень даже! Как?» А он мне: «Пустое дело. Здесь есть очень богатый старичок. Иди его завлеки и в номер приведи, там напои его и оставь! Вот и все!» Я удивилась: «Зачем это?» Он засмеялся и говорит: «Он, старый пес, все святошей прикидывается, так мы его изобличить хотим. Ты мне скажешь, когда и куда приведешь. Я с товарищами рядом номер возьму и будем в щелку глядеть. Как он заснет, пьяный, ты уйдешь, тут мы к нему придем в номер и дождемся, когда он проснется. То-то удивится!» И он тут так весело стал смеяться, что и мне занятым это показалось. «Что ж, – говорю, – это пари?» – «Пари». «А как, – говорю, – я его завлеку?» «Это пустое! – говорит он. – Мы ему письмо напишем и свидание назначим. Он и придет. А ты с ним, как будто ты не такая... понимаешь?.. и потом – в гостиницу. А там заранее номер возьмешь. Идет?»

«А как, – говорю, – я его завлеку?» «Это пустое! – говорит он. – Мы ему письмо напишем и свидание назначим. Он и придет. А ты с ним, как будто ты не такая... понимаешь?.. и потом – в гостиницу. А там заранее номер возьмешь. Идет?»

Меня корысть взяла, да и сама я пошутить не прочь. «А кто, – спрашиваю, – деньги отдаст?» – «Я! Как на свидание пойдешь, так и деньги!» Я и согласилась.

Сонька-гусар оживилась.

– Если не верите, у подружки Маши спросите. Я ей тогда все рассказала, и она меня еще отговаривала...

– Маша? – переспросил Ж. – Она где живет?

– Да где и я. Она модистка. На Ямской.

– А она этого господина видела?

Сонька кивнула:

– Когда он пил у меня, я и ее позвала. Вместе сидели.

Ж. закивал головой и потер руки:

– Отлично! Ну, рассказывай дальше...

Она продолжила прерванный разговор:

– Шестого августа, на Спаса, он пришел ко мне утром.

«Ну, – говорит, – сделано, готово. Теперь все за тобой!» – и смеется. Я тогда, помню, поглядела на него: вижу, смеется, а сам совсем бледный, глаза горят, и смех нехороший. Стало мне как-то не по себе, и я уже отказаться хотела, а он словно почувствовал. «Вот, – говорит, – тебе пятьдесят рублей, как есть на осенний сезон!» Я и сдалась. «Ну, – говорю, – как же все? Где и что? Куда идти, что делать?»

Он сел, достал бутылку вина. Хорошее вино. Я открыла бутылку. Налили мы стаканы, и он мне все рассказал. Зовут того старика Кузьмой Федоровичем; написал он будто ему письмо, в котором я объясняюсь ему в любви и приглашаю на свидание в Александровский сад в восемь часов. Ну и должна я там быть и затем врать ему с три короба и завлекать. «Ты говори ему, что хотела бы быть гувернанткой, что такое место ищешь». Я согласилась. «А как же я ему скажу, где я его видела?». – «Скажи прямо, что в его доме живешь. Вот и все!» И дом назвал. Мне даже смешно стало. «А как

я его узнаю?» – «Сядь у фонтана и вот эту книжку на коленях держи». Дал он мне книгу в такой красной бумаге. «И подойдет, – говорит, – к тебе такой господин, среднего роста, плотный, с седой бородой, в золотых очках, в плюшевой шляпе».

Я согласилась и сказала, что буду. Тут он мне дал десять рублей и завернутую бутылку. «Часов в пять пойди и в гостинице заранее номер возьми. Там и бутылку оставь». «Хорошо», – говорю. «Потом приди в сад и скажи мне, какой номер, я тогда тебе и пятьдесят рублей отдам». Я тоже согласилась. Он собирался уходить и еще прибавил: «Придешь с ним, громко говори! Мы рядом будем. Когда он заснет и ты уходить будешь, хлопни в ладоши два раза. Да еще: вина этого сама не пей – заснешь!» «А оно, – спрашиваю, – с каплями?» Он кивнул, засмеялся и ушел...

Она перевела дух.

– Устала я, – сказала она. – Хоть бы чайку выпить или пива.

Я велел подать ей чай.

– Как же вы дальше сделали?

– Дальше-то? Как по писаному!..

Сторож принес стакан чаю. Она жадно отхлебнула два глотка и продолжала:

– Взяла я номер, пять рублей заплатила и бутылку оставила. Пошла в сад, а по дороге он навстречу. «Взяла?» – «Взяла!» – «Какой?» Я говорю: «Третий!» Он мне тотчас подал

конверт, сказал: «Действуй!» и пошел прочь. Я зашла в сад, села у фонтана, положила книжку на колени и стала ждать. А пока в конверт заглянула: там две беленькие бумажки по двадцать пять рублей... Хороший господин...

Вот я сижу, и вдруг идет господин с седой бородой, в золотых очках, зонтик в руках. Идет и все выглядывает. Ну, думаю, мой! И книгу на виду держу.

– Книга-то у вас дома? – спросил Ж.

– Дома! Красная такая, – ответила Сонька. – Увидал он и прямо ко мне: «Позвольте присесть!» – «Пожалуйста!» Он сел и все на меня косится. Я засмеялась. Тут он осмелел и показал мне письмо. Это, говорит, ваше? Ну, я прикинулась, что стыжусь, и все пошло...

Он, старичок-то, мягкий такой, покладистый. Я его живо обертела и повела. Он мне уже место обещал. «Я, – говорит, – вдовец, у меня дочь, и ей гувернантка нужна. Я вас возьму!» Привела это я его. Он дюшес спросил. Налила я вина. Сама отхлебнула да потом выплюнула, а он стакан выпил. Пошел на постель, стал раздеваться, да как плюхнется – и заснул!.. Я подождала, он спит. Ну, я хлопнула в ладоши, взяла книжку и ушла, а его будить не приказала.

– А огни кто погасил?

– Он!

Она помолчала и прибавила:

– Вот и все. Больше я ничего не знаю. Потом, как прочла в газетах, меня так и затрясла лихорадка. Машка укорять ста-

ла. Господи, разве я знала!.. – и она заплакала.

– Отчего же вы сами не пришли и не рассказали все это?

– Боялась. Еще, думала, затаскают. Покоя лишат. Иногда думаю, пойду. А потом и страх возьмет...

– А его узнаете?

Она сразу в ярость пришла.

– Только покажите мне черта этого. За сто верст узнаю! Лицо ему разобью, глаза выцарапаю! Только покажите его!

– В том-то и дело, что найти его надо, – печально сказал Ж. – Ну да я найду! Вы его больше не видели?

– Нет. Как провалился...

– Ну, а кто он, по-вашему? Купец, чиновник, художник?

– Я думаю, что чиновник. Показался он мне таким.

– Ну, на сегодня будет, – прекратил я допрос, было уже 4 часа утра. Ж. встал и откланялся.

– А я? – спросила Сонька.

– Вас я до завтра здесь оставлю, – ответил я и сдал ее дежурному агенту.

В правдивости ее показаний я не усомнился ни на одно мгновение. Она была бы совершенна невинна, если бы не вино. В нем оказалась большая порция опиума, о котором она почти знала. Жаль девушку, а ничего не поделаешь. Если бы того найти!

В правдивости ее показаний я не усомнился ни на одно мгновение. Она была бы совершенна невинна, если бы не вино...

Я плохо спал эту ночь и на утро тотчас вызвал Ж., приказав ему идти с обыском на квартиру Соньки, опросить там ее подругу Машу и потом с ней по всему городу искать настоящего убийцу. Хоть год искать, а найти!

Соньку-гусара препроводили к следователю и заключили в тюрьму.

Конец нити уже был найден.

Ж. энергично взялся за дело...

Он пришел на квартиру Соньки-гусара, спросил ее комнату и сделал самый тщательный обыск, но ничего обличающего ее не отыскал. На комодике лежала книжка «Вестник Европы» за август месяц; совершенно свежая, неразрезанная, которую он и захватил с собой. После этого он дождался Машу.

Это была красивая, полная, маленького роста брюнетка. Увидев его в своей комнате, она с недоумением остановилась на пороге. Ж. встал ей навстречу и дружески заговорил:

– А я вас добрый час как поджидаю. С работы?

– С работы. А на что я вам? Кто вы?

– Я? – Ж. назвал себя, свое звание и быстро продолжал: –

Я от вашей подруги, Софьи...

– Ее арестовали!

Он кивнул. Маша хлопнула по бедрам руками:

– Вот! Я ей говорила!

– Вам жалко ее?

– Еще бы...

Она тяжело опустилась на стул. Ж. встал перед нею:

– Тогда помогите ей выпутаться из беды.

– Как?

– Помогите мне найти настоящего виновника. Вы его видели у нее. В лицо его узнать можете? Ну вот! Станем мы с вами дежурить подле всех министерств, станем искать на улицах, в клубах, в театрах. Везде! Согласны?

Она быстро кивнула головой и вскочила.

– О, я его узнаю сразу! – воскликнула она.

– И отлично! А когда мы его возьмем, Софья будет сразу свободна.

– Ах, она ни в чем не виновна, – с убеждением сказала Маша.

– Я тоже так думаю, – ответил Ж. и прибавил: – Только об этом никому!

– Понятно!

– Вы можете на время оставить магазин? Мы вам заплатим.

Она согласилась:

– Хоть поругаюсь, а брошу. Мне Соня всего дороже!

– Значит, с завтрашнего дня и начнем? – решил Ж. и ушел.

Днем они заходили в маленькие рестораны, к Доминику, в кофейни; вечером были в театре или в клубе и каждый день возвращались ни с чем.

Я назначил Маше жалованье за все дни поисков, чтобы

она имела возможность на время оставить всякую другую работу, и Ж. тотчас начал с ней свои поиски. Утром они дежурили у министерства путей сообщения, в 5 часов были у министерства государственных имуществ, а потом – у контроля. А так как в один какой-либо день он мог и не прийти, то они снова и снова повторяли свои дежурства у всех министерств, у всех управлений, у всех контор и банкирских домов. Днем они заходили в маленькие рестораны, к Доминику, в кофейни; вечером были в театре или в клубе и каждый день возвращались ни с чем.

– Нет его! – с досадой говорила Маша. – Верно, уехал!

Но мы не теряли надежды. В Петербурге не так легко найти человека, который к тому же знает Машу в лицо и, быть может, не раз уже скрывался при ее приближении, но что он будет найден, в этом не сомневались ни я, ни Ж... И наши расчеты оправдались.

Однажды, когда они проходили мимо Доминика, Маша вдруг порывисто сжала руку Ж. и, задыхаясь, сказала:

– Он!

Словно огнем обожгло Ж. Он встрепенулся:

– Где?

– Вон идет, с портфелем!

И Ж. потащил ее за указанным господином. Они перегнали его.

– Нет, – упавшим голосом сказала Маша, – это не он. Есть какое-то сходство. Глаза, нос, но у того была борода такая

заметная!..

Ж., у которого сначала упало сердце, теперь только улыбнулся и сказал Маше:

– Ну, теперь можешь идти домой и меня оставить.

Лицо Маши выразило удивление.

– Не бойся! Я знаю, что говорю. Иди! – сказал ласково Ж.

Маша молча повиновалась. Ж. засунул руки в карманы и медленно пошел за намеченным господином.

Тот шел в хорошем пальто, в хорошей шляпе, с портфелем под мышкой. Он шел тихо, низко опустив голову, видимо не замечая окружающих. Ж. раза два перегнал его и заглянул ему в лицо. Это был мужчина лет 36, с усталым, грустным лицом. Глубокая складка лежала между его бровями, служа как бы продолжением красивого тонкого носа. У него был гладко выбритый подбородок, маленькие баки и короткие усы рыжеватого оттенка.

Ж. следовал за ним неотступно.

Господин дошел до Морской, свернул в нее и, пройдя до Гороховой, скрылся в подъезде Страхового общества. Ж. потер от удовольствия руки. Служит ли он тут, зашел ли по делу страхования, во всяком случае он теперь от него уже не скроется.

Он перешел улицу и подошел к стоящему у дверей швейцару.

– Скажите, пожалуйста, – спросил он, доставая 20 копеек, – ведь этот господин, с усами и баками, у вас служит?

Швейцар взял монету:

– Господин Синев?

– Да.

– У нас, инспектором.

– Благодарю вас. Большое жалованье?

Швейцар ухмыльнулся:

– Для двоих хватит. Тысячи четыре наберется.

– Как для двоих? – спросил Ж.

– Потому как они недавно женились, – объяснил швейцар.

– А! Благодарю вас! – сказал Ж. и отошел от подъезда,

направляясь в портерную.

Там он сел у окошка, спросил пива и стал внимательно следить за всеми выходившими из дверей.

Тогда еще не было адрес-календарей.

В половине пятого Синев вышел из подъезда и пошел по Гороховой. Ж. уже следовал за ним. Синев взял извозчика. Ж. тотчас взял другого и поехал за ним следом. Они приехали на Серпуховскую улицу, и Синев вошел в подъезд красивого, единственного в то время каменного дома.

– Теперь не уйдешь! – радостно сказал себе Ж. и тотчас явился ко мне с докладом.

Я выслушал его и задумался: взять по одному, да и то такому неверному указанию Соньки, видимо, состоятельного и интеллигентного господина, поступок довольно рискованный. Я предложил Ж. сперва удостовериться, тот ли это человек, который подкупил Соньку-гусара, и если это он, то

найти улики. Мы сообща составили план первых действий, потом я отпустил Ж. и стал ждать результатов.

В тот же вечер Ж., не загримированный, но в старом изношенном костюме, сидел в портерной того дома, в котором жил Синев. Он сел подле самой стойки и вступил в беседу с приказчиком, спрашивая, не знает ли он господ, которые лакея ищут, потому как он по этой должности без малого всю жизнь и теперь без места.

– Нет, милый человек, таких у нас нету, – ответил приказчик.

Ж. удивился:

– Такой огромнейший дом, и с парадом, а господ нет!

– Купцы у нас тут живут, контора еще, а из настоящих господ один Синев Яков Степанович. Так им лакея не нужно.

– Есть?

– Не есть, а не для чего. Сами молодые, год как повенчаны, знакомых никого, и со всем у них одна прислуга справляется. Такая шельма! Анюткой звать. У нас всегда с одним фельдфебелем прохлаждается, когда господ нет.

– А, поди, никогда вечером не сидят? Господское житье я знаю...

– Тут не так, – отвечал словоохотливый приказчик. – Между ними будто есть что-то. Анютка сказывала, что иногда ужасно даже! То, говорит, целуются, то плачут. Однажды она хотела из окна выброситься, в другой – он чуть не зарезался.

– Что ж это с ними?

Приказчик пожал плечами. Сидевшая в углу с мастеровым какая-то женщина вдруг обернулась.

– Это ты про Синевых? – спросила она приказчика.

Тот кивнул. Женщина внезапно оживилась и, поправив на голове платок, заговорила:

– Про этих господ ты у меня спроси. Я у их всегда белье стираю и всю-то их жизнь во как знаю! Почему они живут так?

Ж. тотчас поднялся и подошел к прачке. Протянув прачке, а потом мастеровому руку, он сказал:

– Позвольте познакомиться, Прокофий Степанов, по лакейской должности. – И, садясь подле их стола, прибавил: – Очень люблю, когда про господ рассказывают. Дай-ка нам, почтенный, две пары! – приказал он приказчику.

Прачка осталась очень довольна. Когда подали раскрытые бутылки, она и мастеровой чокнулись с Ж., и она тотчас заговорила:

– Господа-то эти душевные очень, да вот поди – не повезло! Барин в ней души не чает, и она в нем, и деньги есть у них, потому что у барина хорошее место, а в доме ужасно что.

– Из-за чего же между ними такая контрреволюция? – спросил Ж.

Прачка нагнулась к нему и понизила голос до шепота:

– Видите ли, она до свадьбы не соблюла себя, он и обижа-

ется. Где да с кем? А она плакать да на коленки. А он хватить ее! Бьет, а потом сам на коленки и ноги целовать. Тут обнимутся, и оба плакать. Я однажды в три часа проснулась, в прачечную идти. Анютка спит, что мертвая, а там – плач и голоса. Я подошла, и даже жутко стало. Он говорит: «Я тебя убью!» А она отвечает тихо: «Убей!» и тишина вдруг, а потом как он заплачет... Анютка рассказывает, и часа бы не прожила, если бы не доход...

Ж. налил в стаканы пива, чокнулся и спросил:

– А из себя красивые?

– И не говорите! Прямо парочка. Она-то такая стройненькая да высоконькая, что твоя березка. Волоса густые да длинные. Брови что угольком выведены, и всегда серьезная. Нет чтобы улыбнуться...

– А сам?

– Тоже видный мужчина. Высокий, статный. Сначала как с бородой был, так еще был красивее.

– Сбрил, что ли? – спросил Ж.

– Совсем! Сказывал, шутя, что барыня не любит. Борода-то из русого волоса, большая была такая...

– Ну, прощения просим! – поднялся Ж.

– Что ж, уже идете?

– Я еще забреду. Тут, на Клинском живу, – отвечал Ж., – а сейчас мне надо насчет места наведаться.

– Ну, спасибо за угощение!

– Не за что!

Молчавший все время мастеровой вынул изо рта трубку и сказал:

– Теперь уже за нами!

– Пустяки, – отвечал Ж. и, простившись за руку с извозчиком, вышел.

– Обходительный мужчина, – сказала прачка, – приятно в компании посидеть.

– Убийцы найдены! – сказал он и рассказал все вышеописанное.

А обходительный мужчина забежал домой, переоделся и через полчаса уже был у меня.

– Убийцы найдены! – сказал он и рассказал все вышеописанное.

С этих пор не проходило вечера, чтобы Ж. не распил в портерной на Серпуховской 6, 8, а то 12 бутылок пива в дружеской компании за беседой. Он успел, кроме прачки, познакомиться и с обоими дворниками, и с Анюткой, и даже с ее фельдфебелем, и все не могли нахвалиться своим новым приятелем. Анютка успела рассказать Ж. много интересного и нового. Так, они однажды после крупной ссоры словно помирились и все целовались. Потом собрались ехать к тетке на дачу в Лугу. Уехали, а на другое утро барыня одна вернулась. Бледная, чуть живая, и сразу в постель легла.

– Я думала, что барин, может, бросил ее, потому что никогда не было, чтобы они разлучились. А тут и ночь прошла, а его нет. Только рано утром звонок. Я отперла и даже закри-

чала. И барин, и не он! Бороду-то свою всю напроочь сбрил и усы подстриг. «Что это вы?» – говорю, а он смеется. «Теперь барыня, – говорит, – довольна будет. Она мою бороду не любила!» Прошел к ней, и стали они что-то шептаться. Мирились, наверно.

Ж. кивнул ей головою и сказал, подмигивая на фельдфебеля:

– А вы небось не прочь, кабы они и недельку у тетки пожили? Праздничек бы справили.

Анютка засмеялась.

– Выходит, из-за бороды и мир? – снова спросил Ж.

– Какой! – отмахнулась Анютка. – Теперь еще хуже. Барыня все плачет, ночью не спит. Барин туча тучей. Словно схоронили кого.

Ж. больше спрашивать было не о чем. Убийцы были найдены. Я уже со спокойной совестью поручил ему арестовать обоих и доставить в сыскное.

На другой день он дождался, когда Синев уехал на службу, и уже в своем обыкновенном костюме поднялся по парадной лестнице и позвонил у двери, на которой была прибита медная дощечка с надписью: «Яков Степанович Синев».

Анютка открыла дверь и с удивлением взглянула на Ж.:

– Вы за мною?

– Нет, душечка, – спокойно ответил ей Ж. – Проводите меня к вашей барыне.

Анютка удивленно вытаращила глаза:

– К барыне?

– Ну да! Возьми пальто! – И Ж., кинув изумленной Анютке пальто, смело вошел в комнаты.

Через кокетливо убранную гостиную он прошел в столовую. Там у окошка сидела Марья Ивановна Синева с задумчиво склоненной головой. При входе Ж. она подняла голову и удивленно, даже испуганно взглянула на него.

Анютка остановилась в дверях.

Ж. приблизился к Синевой, поклонился ей и тихо сказал:

– Я агент сысской полиции и пришел арестовать вас по делу об убийстве Кузнецова.

Она приподнялась, в немом ужасе вытянула руки и бесильно опустилась на стул.

Анютка вскрикнула и убежала.

Ж. с чувством сожаления взял руки Синевой и слегка встряхнул ее.

– Не пугайтесь! Это должно было случиться. Ваш муж арестован тоже!

Эти слова словно возвратили ее к жизни. Она вдруг выпрямилась.

– Он невинен! – закричала она. – Это я, я одна все сделала!

– Поедьте, и там вы все расскажете...

Она покорно встала. Ж. помог ей одеться, вышел с нею и запер квартиру, спрятав ключ в карман. У подъезда уже стояла толпа, и в середине ее – Анютка что-то рассказывала, оживленно жестикулируя. Ж. взглянул в ее сторону и ковар-

но улыбнулся. Дворник по его приказанию привел извозчика. Он усадил Синеву, сел подле нее, и через 20 минут я уже принимал ее в своем кабинете.

Ж. тотчас пошел в Страховое общество и попросил немедленно вызвать Якова Степановича Синева. Словно предчувствуя недоброе, он вышел взволнованный и бледный.

– Что вам нужно?

– Меня послала за вами ваша супруга, – ответил Ж. – Она зовет вас немедленно.

– Куда? Что с ней? – Синев побелел как бумага.

– Я вам все расскажу по дороге. Едем! – настойчиво повторил Ж.

Синев кивнул головой, скрылся и через минуту вернулся со шляпой в руке.

– Я готов!

Ж. вышел с ним и крепко взял его под руку.

– Куда вы меня ведете? – спросил он.

– Два шага отсюда. В сыскное отделение, – отвечал Ж. – Там ваша супруга.

Синев опустил голову...

Ж. передал мне Синеву, а я тотчас послал его на Серпуховскую собрать улики, если такие найдутся.

Когда он вошел в портерную, она была набита народом и все жадно слушали в сотый раз повторяемый рассказ Анютки.

– Отворяю, это, я дверь, и вдруг он!.. – произнесла она и замолкла с раскрытым ртом.

Все оглянулись. На пороге портерной стоял этот он, Ж.

– Ну, Анна Васильевна, – шутливо произнес он, – пройдемте с вами в квартиру, да прихвати мне дворников и понятых.

Анютка вышла из оцепенения и покорно пошла за агентом.

У дверей квартиры стояли уже околоточный, дворники и понятые. Ж. вошел в квартиру и велел Анютке показать ба-рынины платья. Их было восемь. Ж. пересмотрел их и тотчас отделил одно, подол которого оказался залитым стеарином. Он свернул это платье и составил протокол осмотра. Потом, обратившись к Анютке, сказал ей:

– Ну, Анна Васильевна, а вы собирайте ваши пожиточки и переселяйтесь отсюда. Вы последите, – обратился он к околоточному, – а потом закройте и опечатайте квартиру!

Дело об убийстве Кузнецова разбиралось в феврале следующего года. На скамье подсудимых сидели: Синев, бледный, исхудавший, с окладистой русой бородой; жена его, походившая на прекрасную восковую фигуру, страшную в своей апатичной покорности, и похудевшая Сонька-гусар. Присяжные заседатели слышали тяжелую семейную драму, драму двух любящих существ...

Присяжные заседатели слышали тяжелую семейную драму, драму двух любящих существ...

Синев женился на Марье Ивановне Крапивиной по любви, на которую она отвечала ему взаимностью. И с первой же ночи началась их казнь. Синев узнал страшное прошлое своей жены: она была бедная сирота, окончила Николаевский институт и сразу поступила гувернанткой к девочке у вдовца. Вдовец совершил над ней насилие, потом отказал ей от места.

Синев, слушая эту повесть, испытывал и безумную ревность, и жгучее сострадание. «Кто он?» Но она не говорила. Между ними настал ад. Он бил ее, а потом вымаливал прощение. Он заставлял ее повторять историю ее несчастья, останавливаясь на самых оскорбительных подробностях, и потом обзывал ее самыми обидными именами. Наконец он вырвал у нее имя, узнал его и много раз был готов убить его. Жизнь стала невыносимой, и в одну безумную ночь они решили, что Кузнецов должен быть убит. Эта мысль охватила их обоих, и они сдружились в жажде отмщения.

Он нашел Соньку-гусара, обдумал весь план и привел его в исполнение. Для этого он купил у Брабеца кинжал-нож. В 6 часов они заняли 2-й номер и пили в нем, поджидая жертву. Потом он отодвинул шкаф и открыл дверь. В 9 часов они услышали голоса – его и Соньки. Их разделяла только стенка шкафа. Часов в 10 Сонька ушла. Вошел слуга и ушел, хлопнув дверью. Они подождали еще с полчаса, затем Синев отодвинул шкаф и вошел в номер. Она следила. Он отомстил своему врагу...

Когда они вернулись в номер, она лишилась чувств. Он закрыл дверь, задвинул шкаф, вымылся, привел ее в чувство. Они дождались 5 часов утра и уехали домой. Он уехал в Псков, вернулся оттуда в другом пальто и обритый.

Присяжные чуть не плакали, слушая их душевную драму, и содрогались, слушая историю мести.

Защитник сказал блестящую речь, но присяжные все-таки нашли их виновными, и суд приговорил их к каторжным работам: его на 18 лет, а ее на 12 лет. Соньку-гусара оправдали.

Для Ж. за это дело я выхлопотал награду.

Сумасшедший палач

Это было еще в начале моей полицейской карьеры, если не ошибаюсь, в 1857 году...

Осенью, в последних числах сентября, ко мне, в то время полицейскому надзирателю Спасской части, вошел вестовой Сергей и доложил:

– Неизвестный человек, не объявляющий своего звания, целый день трется около конторы квартала и ищет случая припасть с личной просьбой к вашему высокородию. Человек подозрителен...

– Неизвестный человек, не объявляющий своего звания, целый день трется около конторы квартала и ищет случая припасть с личной просьбой к вашему высокородию. Человек подозрителен...

– Почему?

– Дал мне тридцать копеек, чтобы я допустил его на разговор с вашим высокородием наедине.

– Позови, – говорю.

Через несколько минут Сергей ввел в кабинет субъекта лет, по-видимому, сорока, одетого в обыкновенный мещанский наряд. Это был лысый, высокого роста человек.

На вопрос, что ему надо и кто он, неизвестный отвечал, что он динабургский мещанин, Яков Дорожкин, недавно прибыл из Динабурга, и что паспорта не имеет, а оста-

новился на Васильевском острове у своего кума, бессрочно отпускного матроса Балтийского флота, Семена Грядущего, который вот уже несколько лет служит у адмирала Платера кучером.

Отрекомендовав себя подобным образом, этот странный человек вдруг встал на колени и, просительно складывая руки, заговорил:

– Явите Божескую милость, ваше высокородие! Окажите ваше высокое содействие моему куму, Семену, к определению в должность...

– Да ведь он служит, твой кум Семен, – сказал я. – Какой еще ему службы надо?

– Служит он действительно, ваше высокородие, и при хорошем месте состоит... Только сделайте такую милость, определите его в палачи!..

Как уже ни наторел мой полицейский слух ко всякого рода заявлениям, однако мне показалось, что я ослышался...

– Чего? Куда? – переспросил я.

– Палачом хочет быть кум Семен, – ответил ясно Дорожкин. – Сделайте такую милость, ваше высокородие, похлопочите...

Я велел ему встать, а сам невольно задумался, удивленно поглядывая на неожиданного просителя... Тот стоял, почти-тельно вытянувшись и пожирая меня глазами, блестящими из-под его морщинистого, лысого, узкого и высокого лба.

Надо заметить, что на основании существовавших в то

время законоположений правительство предлагало обязанности палача лишь преступникам, подлежащим лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь или к отдаче в арестантские роты. Но даже и при этих условиях кандидатов на данную должность почти не находилось. Да оно и понятно. роль палача не свойственна русскому человеку, и даже среди арестантов охотников на нее всегда было мало. Правительство даже циркулярно в разных губерниях по тюрьмам разыскивало желающих принять на себя эти ужасные обязанности.

Вот почему после нескольких минут раздумья я решил, что дело, во всяком случае, надо расследовать, и тотчас задал вопрос о том, судился или нет когда-либо его кум.

Оказалось, что Дорожкин этого не знает. И он снова повторил, что его кум, Семен Грядущий, просит во что бы то ни стало выхлопотать ему определение на должность палача, обещая не пожалеть на это никаких расходов, лишь бы, впрочем, об этом до времени не было известно адмиралу Платеру.

— Потому, видите ли, что адмирал с трудом отпускает кума со двора, разве раз в месяц — в баню. Вот я за него и прошу. А так как кум завтра, кстати, именинник, то позвольте порадовать его, что вы взялись хлопотать по его делу...

Заинтересованный еще более как ходатаем, который, казалось, вполне искренне желал угодить своему приятелю, так и особенно личностью человека, который, живя на свободе

и в известном достатке, стремился принять на себя ремесло палача, я решил заняться этим делом основательно.

Прежде всего я справился, почему он обратился именно ко мне, а не к другому и кто его ко мне направил. Ответы получил удовлетворительные: рекомендовал ему меня как могущего выхлопотать такую должность письмоводитель и паспортист квартала, служивший несколько лет у квартального надзирателя Шерстобитова.

Я объявил странному ходатаю, что завтра по делам службы буду на Васильевском острове и чтобы он вместе со своим кумом к часу дня явился в гостиницу «Золотой якорь», куда я заеду к этому времени.

Дорожкин отвесил мне поклон до земли и заявил на прощанье, что кум его ничего не пьет, не курит и человек весьма набожный... Словом – удивление, да и только...

Подъезжая на другой день к «Золотому якорю», я увидел, что мой вчерашний посетитель уже ожидает меня у подъезда. Очень предупредительно встретив меня и введя в отдельный номер, он опять бросился на колени и умоляющим голосом стал просить подождать не более получаса, потому что его кум не успел приготовить надлежащего одеяния, дабы предстать предо мною во всей форме своего будущего звания.

В ожидании появления кандидата в палачи я стал расспрашивать Дорожкина, чем он занимался. Совершенно свободно и без всяких оговорок он объяснил, что с двадцати лет

он вместе со своим отцом занимался провозом контрабанды, преимущественно чая. Но лет шесть тому назад их поймали, и они сидели в тюрьме более двух лет. В тюрьме его отец, бывший шляхтич, умер.

Во время этой откровенной беседы в номер вошел мужчина и, поклонившись мне в ноги, произнес:

— Будьте отцом и благодетелем, устройте, чтобы я был палачом. Век за вас буду Бога молить. Все расходы снесу, какие потребуются. Желаю послужить Государю...

— Будьте отцом и благодетелем, устройте, чтобы я был палачом. Век за вас буду Бога молить. Все расходы снесу, какие потребуются. Желаю послужить Государю...

Он поднялся, и я увидел человека лет пятидесяти, роста выше среднего, очень крепкого сложения, с густыми русыми волосами, подстриженными в скобку, и с усами. Одет он был в плисовую черную безрукавку, в такие же шаровары, запущенные в голенища сапог, и в красную кумачную рубашку. Безрукавка была перехвачена узким пояском из позумента.

— Я, — говорит, — служил во флоте, вышел в бессрочный отпуск и нынче служу кучером по найму у адмирала Платера. Адмирал мною доволен. Я холостой, от роду ничего не пью и не курю.

На вопрос, почему появилось у него желание быть непременно палачом, новый мой знакомец начал опять-таки удивительно объяснять:

– Два раза в жизни видел я, как на Конной площади палач Кирюшка наказывал убийц... Да разве это палач? Да разве так наказывать надо? Да разве такую для этого надо иметь руку!.. Эх, прямо вскочил бы на эшафот, значит, выхватил бы у него плеть да и потянул бы... не по-кирюшкинскому, а так, чтобы они (то есть преступники) и не встали...

– Силу в этом я необыкновенную имею, – продолжал этот удивительный собеседник. – Вот уже месяца два я в этом деле упражняюсь. Каждый день утром по двадцати ударов кнутом каждой лошади даю и вечером повторяю ту же самую порцию. Вот кум видел... Как я вхожу в конюшню, страх на лошадей находит непомерный... рычат, топчут, брыкаются.

На эти слова Дорожкин убежденно заметил:

– Точно, как волшебник, скот в повиновение привел...

А пока что лошадиный палач продолжал:

– И адмирал мною доволен и не раз говорили: «Ну, Семен, преобразовал ты у меня лошадей, едут ровно, останавливаются как вкопанные»... Ваше высокородие, за определение меня в палачи вы и ваше высшее начальство будете довольны.

Эту последнюю фразу Семен Грядущий произнес с особенным чувством. Затем он вынул из кармана красную феску с большой золотой кистью, надел ее на голову и повелительно произнес:

– Кум! Встань-ка туда к двери... задом! Облокотись на дверь, будто представляешь, что приготовился к наказанию.

Видели ли вы, ваше высокоблагородие, как плетьюми наказывают? – обратился он потом ко мне.

Хотя я и был очень озадачен неожиданностью приготовлений и мог бы, разумеется, прекратить это, ответил, что видел, и не раз, но, заинтересованный исходом, заявил, что никогда не видел.

– Так вот как это производится! – воскликнул Грядущий. – Кум, стой! – С этой грозной фразой будущий палач, у которого в правой руке уже оказалась плеть, а левая была засунута за пояс, в одно мгновение сбросил с себя поддевку, с каким-то остервенением заломив на сторону феску, произнес: «Берегись» и стал медленно подходить к имевшему в это время очень жалкий вид куму.

При следующем слове «Ожгу...» у кума подкосились ноги, и он, не выдержав, воскликнул:

– Кум не могу больше! Страшно!..

– Вот!! – обращаясь ко мне, произнес палач. – Ваше высокоблагородие, вот где моя сила!

Надо было как-то закончить эту дикую сцену. Я спросил Грядущего, имеет ли для него какое-то значение, куда бы его назначили для исполнения этих обязанностей, и получил ответ:

– Я бы желал назначения в один из больших городов, там практики больше!..

Узнав затем от него же, что сам он из Тверской губернии, я попробовал было заметить, что ведь для испытания спо-

собностей его могут послать именно в Тверскую губернию, а там, может быть, к его несчастью, придется наказывать не только односельчанина, но даже родственника. На это зверь-человек с особенным достоинством возразил:

– Да если бы и отца родного пришлось наказывать, так я не пощажу... А ежели он перенесет тридцать ударов, то я буду просить начальство сечь меня, покуда сам не помру...

Сказать правду, мне стало грустно и тяжело... Да и устал я от этой бездны, как мне тогда казалось, человеческой жестокости и бездушия...

Я поднялся с места.

– Вот что, братец, – сказал я Грядущему. – Назначение в палачи от меня лично, как ты знаешь, не зависит. О твоём желании и о том, что я видел, передам начальству. Как оно решит, так и будет...

Претендующий на должность палача и его кум поклонились мне и предупредительно бросились подать пальто. Подавая его, Грядущий, однако, заговорил опять:

– Ваше высокоблагородие, когда же мне примерно ожидать решения? Потому что ежели что, то я согласен и на преступление-с...

– Это на какое? – невольно спросил я.

– Да так себе... Отвезу Платера в гости, а сам отправлюсь в Шлиссельбург. Продам там лошадей и карету, явлюсь в Новгород, объявлю, что я – непомнящий родства, бродяга. Посадят меня, значит, в тюрьму, а там я и заявлю начальству,

что желаю быть заплечным мастером...

— Ну, это ты всегда успеешь сделать, — сказал я и собрался уже совсем уйти, как кумовья, что-то вспомнив, опять захлопотали.

— Ах ты, боже мой! — воскликнули они. — Да что же это мы!.. Ваше высокоблагородие, выкушайте водочки, вина, закуски, чего душе вашей угодно... Может, прикажете, что на дом прислать?!..

Но я уже ушел.

На другой день, явившись к бывшему в то время обер-полицеймейстеру графу Петру Андреевичу Шувалову, я подал ему докладную записку обо всем рассказанном выше. Прочитав ее, граф развел руками и сказал:

— Вот подите же!.. Ведь почтенного адмирала я хорошо знаю. Припоминаю, кажется, даже его кучера... Вот вам и загадка. Сидишь себе в собственном экипаже и не знаешь, что за человек такой перед тобой на козлах сидит... Впрочем, обо всем этом я переговорю лично с адмиралом и обо всем ему сообщу.

Несколько дней спустя граф вызвал меня и сказал, что кучер адмирала Платера отослан на испытание в госпиталь, и поручил мне узнать от госпитальных врачей, какого они мнения об этом человеке.

На следующий день утром, при разборе мною в участке арестованных, тот же мой вестовой, Сергей, сообщил мне на ухо, что человек, недели полторы назад давший ему тридцать

копеек, теперь дал ему уже полтинник, лишь бы он доложил мне о нем.

Я велел его впустить. Дорожкин (кум палача-любителя), держа в каждой руке по кульку, вошел и повалился мне в ноги. Из его слов я понял, что он выражает мне благодарность за якобы уже состоявшееся определение его кума на должность палача, так как он слышал, что Грядущего увезли уже куда-то на «пробу»... Кульки были, конечно, «благодарностью» кума.

К этому куму, прогнав Дорожкина, я и отправился в здание госпиталя.

В то время в госпитале служил знаменитый впоследствии профессор Антон Яковлевич Красовский, который и провел меня в камеру, где в качестве испытуемого содержался наш воображаемый заплечных дел мастер – кучер Семен Грядущий.

Он встретил меня низкими поклонами и с выражением особенной признательности за определение его на должность палача.

– Здесь меня уже пробуют, ваше высокоблагородие, го-
жусь я или нет, – заявил он. И тотчас же попросил у дежурного врача позволения испытать при мне свои способности. Эта просьба была тут же исполнена. Его вывели в палисадник, где была приготовлена кукла в человеческий рост. Семену выдали мочальный плетеный кнут наподобие плети, и он, как следует, начал показывать свое искусство...

Его вывели в палисадник, где была приготовлена кукла в человеческий рост. Семену выдали мочальный плетеный кнут наподобие плети, и он, как следует, начал показывать свое искусство...

Он не сразу приступил к этому акту, а попросил позволить ему нарядиться в соответствующий костюм. Это ему было разрешено, и минут через пять Семен вместо серого халата явился в том самом наряде, в котором он впервые предстал предо мною в «Золотом якоре».

Взяв с достоинством кнут в руки, он подошел к манекену и погладил его рукой по спине. Потом, отойдя сажени на две, стал вновь приближаться к нему с особенной торжественностью, восклицая: «Берегись! Ожгу!...»

Производя свои странные действия, этот удивительный «талант» несколько раз оборачивался ко мне, будто бы взглядом приглашая оценить и удостовериться в чистоте его работы и тонкости отделки. Вид его выражал необыкновенную самоуверенность и похвальбу: «Не сомневайтесь, мол, ваше благородие, оправдаем, мол»...

Поговорив с доктором, я оставил госпиталь в совершеннейшем недоумении. Что я мог доложить начальству?

Как ни неопытен и малосведущ в то время я был в психиатрии, тем не менее для меня лично не было сомнения в том, что здесь мы имеем дело с видом умопомешательства, притом умопомешательства странной формы – страсть к кнуту. Во всех остальных проявлениях умственной и физической

деятельности этот человек был совершенно нормален и здоров.

Казалось бы, чего лучше: он – самый подходящий человек для должности палача... Однако при этой мысли меня охватывали невольные жалость и страх. Жалко и страшно было и за этого человека, и за те жертвы, которые могли попасться ему в руки...

«Боже мой, боже мой! – думалось невольно. – И до такого озверения может дойти человек! Как и почему это могло случиться?»

Ничего не скрывая и не утаивая собственных мыслей на этот счет, я все рассказал графу.

Он задумался...

– В самом деле, – сказал он, – история выходит довольно-таки сложная... Не знаю, как тут и быть...

– Позвольте мне, ваше сиятельство, – сказал я, – еще поразведать и порасспросить об этом человеке.

– И в самом деле, сделайте это, – ответил мне граф. – А там видно будет, что с ним делать...

И узнал я историю отрывочную, но довольно-таки грустную. Семен Грядущий, как оказалось, питал когда-то нежную страсть к одной женщине, которая была зверски убита какими-то злодеями, будучи беременной. Злодеи были пойманы, осуждены и по тогдашним законам приговорены, между прочим, ко всенародному наказанию плетьюми. Скорбя по утрате любимой женщины и питая в душе понятную злобу

к злодеям, Семен Грядущий отправился смотреть, как будет наказывать их палач Кирюшка. И вот тут-то он убедился, что Кирюшка «мирволил» убийцам, наказывая их, по его мнению, весьма слабо.

Здесь, кстати будет сказано, подобное убеждение Семена Грядущего могло быть вызвано и не только одним чувством мести. Действительно, бывало, что подкупленный родственниками убийц или самими преступниками палач иногда являл «незаконную» снисходительность к наказанным.

Палача обыкновенно потчевали за несколько дней до казни, уговаривались с ним в цене за ослабление наказания и вручался задаток. В его же пользу поступали и все те деньги, которые бросали в повозку, везшую осужденного на казнь. И наконец, после всей операции ему вручались остальные уговоренные деньги.

Палача обыкновенно потчевали за несколько дней до казни, уговаривались с ним в цене за ослабление наказания и вручался задаток. В его же пользу поступали и все те деньги, которые бросали в повозку, везшую осужденного на казнь.

Мастера-палачи в подобных предварительных беседах обычно еще хвалили свое искусство в глазах просителей. «Если захочу, – говорили, – то научу, как справляться с дыханием: когда его сдерживать и когда кричать! По моей воле и силе рука может показать сильный взмах и отвести удар с легкостью...»

Может быть, и Семен Грядущий попал на такую казнь «с сильным взмахом», но с «легким отводом» удара. Но совершенно понятно и то, что просто его рассудок, потрясенный горем, не выдержал и уступил место злобному умопомрачению, искавшему себе выход в практике «настоящего» заплечных дел мастера, такого мастера, который, по его мнению, чуть ли не с одного удара должен убивать наказуемого...

Но палачом этому несчастному человеку так и не удалось сделаться...

Я рассказал все это графу, а через месяц узнал, что Семен Грядущий, по собственной ли воле или по распоряжению начальства, отправился в один из монастырей на Ладожском озере. Далее я потерял о нем всякие сведения.

И слава богу!

Но, заканчивая эту историю, не могу не поделиться некоторыми мыслями и ощущениями, которые она навеивает на меня до сих пор...

Как видит читатель, она не относится к делам собственно, так сказать, сыска. Происходила вся эта история в начале моей полицейской деятельности и тем не менее врезалась мне в память почти во всех своих подробностях. Как живой, до сих пор стоит перед моими глазами этот дюжий широкоплечий молодец с лихо надвинутой феской на голове, с вызывающим видом и с горящим взором приближающийся с плетью к человеку-куму или даже подобию человека – мане-

келу.

Быть может, происходит это потому, что именно здесь впервые меня охватила мысль о всей ненужности, жестоко-сти, ужасном вреде и развращающем влиянии телесного на-казания.

Я никогда не мог пожаловаться на свои нервы. Но имен-но после этого случая мне всегда казалось, что после пуб-личной, «торговой» казни кнутом или иной подобной каз-ни несколько человек из зрителей уходят домой помешан-ными...

Слава богу! Я пережил это время... Помню тот момент, когда я, уже закаленный полицейский, искренне перекре-стился при вести, что этот публичный кнут и эта проклятая плеть отошли в область преданий...

Остаются еще в народном быту розги и их развращающее влияние. Но я, «отставной» ныне старик, перевидавший и переживший многое, твердо верю, что минет и их пора, что настанет тот благословенный день на Руси, когда свист их замолкнет навеки и о самом существовании их будут вспо-минать с ужасом и отвращением.

Остаются еще в народном быту розги и их развращающее влияние...

С этой верой я и кладу на этот раз свое перо...

Шайка разбойников-душителей

Это была целая хорошо организованная шайка. Не те «душители, или туги», описанные Евгением Сю, которые являлись членами страшной секты, а те, которые душили с целью грабежа, избрав своими жертвами преимущественно извозчиков. Наглые, энергичные, смелые, они одно время навели на столицу страх и панику.

Операции их начались с 1855 года. В конце этого года на Волховской дороге был найден труп мужчины, задушенного веревочной петлей. После расследования оказалось, что это был крестьянин Семизоров из села Кузьминского, который по дороге домой был кем-то удушен, после чего у него забрали лошадь, телегу и деньги. Убийство страшное, но оно не обратило бы на себя особого внимания, если бы следом за ним, на той же самой Волховской дороге, не было совершено совершенно такого же характера другое убийство. На этот раз был удушен крестьянин деревни Коколовой, Иван Кокко, у него была взята лошадь с санями.

Затем страшные преступники как будто переселились в город Кронштадт, и там, друг за другом, также удушением веревочной петлей были убиты и ограблены крестьянин Ковин и жена квартирмейстера Аксинья Капитонова.

Становилось как-то не по себе при рассказах об этих страхах, а тут вдруг убийство, и также удушением, Михеля Кор-

вонена; убийство тем же удушением легкового извозчика Федора Иванова. В обоих случаях с ограблением и уже снова в Петербурге – на погорелых местах Измайловского полка.

В то время местность Измайловского и Семеновского полков была мрачна и пустынна, и случаи грабежей и насилий бывали там нередки, но, собственно говоря, бывать в тех местах вовсе не было необходимым, так как жили там преимущественно трущобные обыватели и разная голь. После же огромного пожара погорелые места Измайловского полка, особенно ночью, казались страшными, как заброшенные кладбища.

В то время местность Измайловского и Семеновского полков была мрачна и пустынна, и случаи грабежей и насилий бывали там нередки, но, собственно говоря, бывать в тех местах вовсе не было необходимым, так как жили там преимущественно трущобные обыватели и разная голь.

Следом за извозчиком Ивановым близ Скотопригонного двора был найден труп другого извозчика, также удушенного и ограбленного.

Как сейчас помню панику среди жителей столицы, а особенно среди извозчиков. Нас же угнетало чувство бессилия. Я был тогда еще маленьким человеком – помощником надзирателя при Нарвской части, но начальство уже отличало меня. У нас в части во время присутствия только и было разговоров, что об этих происшествиях. Пристав следственных

дел, некий Прач, толстый, краснолицый, с рыжими усами, самоуверенно говорил:

– Небось, откроем! У меня есть такие люди, которые ищут, и сам я гляжу в оба!

Но он больше глядел в оба... кармана мирных жителей своей части.

Другое дело Келчевский. Он был стряпчим по полицейским делам той же Нарвской части и проявлял незаурядную энергию, особенно в ведении следствия. Совершивший преступление уже не мог открутиться от него, настолько он был ловок, умен и находчив. С ним мы подолгу беседовали о таинственных убийцах. И он, и я не сомневались, что в ряде этих убийств принимают участие не один и не два человека, а целая шайка.

Одновременно с этими убийствами в Петербурге наводила немалый страх и шайка грабителей (это все в 1855 году), члены которой грабили неосторожных пешеходов в темных закоулках и на окраинах города. Келчевский думал, что убийцы и грабители – одна шайка, но я был твердо уверен в противном, и на эту тему мы с ним горячо и подолгу спорили.

А в городе паника усиливалась. Многие парни бросили извозный промысел, и ни за какие деньги кого-либо из них нельзя было уговорить поехать на окраины города вечером. Поэтому ночью на работу выезжали только самые отчаянные из извозчиков.

Конец 1856 года и начало 1857 года можно было назвать в буквальном смысле ужасными. За два месяца полиция подобрала одиннадцать тел, голых, замерзших, со страшными веревками на шее! Во всех случаях это были легковые извозчики или случайно запоздавшие пешеходы.

Не проходило утра, чтобы за ночь не объявилось о совершенном удушении или на погорелых местах Измайловского полка, или на берегу Таракановки либо Обводного канала, или на Семеновском плацу.

Из одиннадцати подобранных тел девять удалось оживить благодаря своевременной медицинской помощи. Рассказы этих оживленных, по моему мнению, страшнее всяких придуманных рождественских рассказов.

– Наняли меня, – рассказывал извозчик, – два каких-то не то мещанина, не то купца ехать на Рижский проспект за тридцать копеек, я и повез. Они песни поют. Только мы с седьмой роты въехали на погорелые места, они вдруг и притихли. Я поглядел: они что-то шепчутся. Страх меня забрал. Вспомнил я про убийц и замер. Кругом ни души, темень. Я и завернул было коня назад. А они: «Куда? Стой!» Я – по лошади. Вдруг – хлясть! У меня на шее петля, меня назад тянут, а в спину коленом кто-то уперся. Тут я и потерял сознание...

– А в лицо не помнишь их?

– Где же? Договаривались, а мне и невдомек!

– Возвращался от кума с сочельника, – рассказывал дру-

гой. – Надо было мне свернуть с канавы в Тарасов переулок. Я свернул, но тут на меня напали двое. Сила у меня есть – я стал отбиваться. Один из них крикнул: «Накидывай!» Тут я почувствовал, что у меня на шее петля, а потом запрокинули меня, и я обеспамятовал...

И опять: в лицо признать никого не может.

Граф Петр Андреевич Шувалов, бывший тогда Петербургским обер-полицмейстером, отдал строгий приказ разыскать преступников.

А тут еще грабители.

Вся полиция была на ногах, и все металась без следа, без толка. Я весь горел от этого дела. Потерял и сон, и аппетит. Не могут же скрыться преступники, если их искать как следует? И я дал себе слово: разыскать их всех до одного, хотя бы даже с опасностью для своей жизни.

Как было известно, кроме лошади и саней, убийцы грабили жертву донага, поэтому должны были куда-то сбывать награбленное, а оно было типичным – извозничье. И я решил в разные часы утра и вечера бродить и искать на Сенной, на Апраксином, на Толкучем, пока не найду или вещей, или продавцов.

Как было известно, кроме лошади и саней, убийцы грабили жертву донага, поэтому должны были куда-то сбывать награбленное, а оно было типичным – извозничье. И я решил в разные часы утра и вечера бродить и искать на Сенной, на Апраксином, на

Толкуем, пока не найду или вещей, или продавцов.

С этой целью с декабря 1856 года каждый день я наряжался то оборванцем, то мещанином, то мастеровым и шатался по известным мне местам, внимательно разглядывая всякий хлам. Дни шли, не принося результатов. Келчевский, посвященный в мои розыски, каждый день жадно спрашивал меня:

– Ну, что?

И каждый раз я уныло отвечал ему:

– Ничего!

Хотя и было что. В это время грабители были почти уже все переловлены, и я помогал в розыске вещей, но об этом позже.

И вот однажды, а именно 30 декабря 1856 года, я сказал ему:

– Кажется, нашел!

– Как? Что? Кого? Где? – оживился он.

Но я ничего ему не ответил, потому что сам знал еще очень мало.

Дело было так. По обыкновению, я вышел на свою беспредметную охоту и вечером 29 декабря. Я медленно шел, переодетый бродягой, мимо Обуховской больницы, направляясь к Сенной, чтобы провести вечер в Малиннике, когда меня обогнали двое мужчин, по одежде мастеровых.

Один из них нес узел, а другой ему говорит:

– Наши уже бурили ей. Баба покладистая...

Словно что толкнуло меня. Я дал им пройти и тотчас пошел за ними следом. Они шли быстро, видимо избегая людей, а для меня, с моей опытностью, было ясно, что они несут продавать краденое. Недолго думая я нащупал в кармане свой перстень с сердоликом и решил проследить этих людей до конца.

Они миновали Сенную площадь и вошли в темные ворота огромного дома Дероберти. Из-под ворот они вышли на двор и пошли в его конец, а я вернулся на улицу и стал ожидать их возвращения. Идти за ними было ненужным риском. Место, куда они направились, я уже знал. Там, в подвале, сдавая углы, жила солдатская вдова Никитина, известная мне скупщица краденого. Знала она и меня не по одному делу, и я даже пользовался у нее расположением, потому что всегда старался не вводить ее в убытки, отбирая краденое, а устраивал так, что пострадавшие лица выкупали у нее вещи за малую цену.

Ждать мне пришлось недолго. Минут через 15–20 вышли мои приятели, но уже без узла. Я пошел им навстречу и у самого фонаря нарочно столкнулся с одним из них, чтобы лучше разглядеть его лицо. Он выругался и отпихнул меня, но мне этого было уже достаточно для того, чтобы я узнал его в тысячной толпе. Я перешел на другую сторону улицы и стал следить за ними. Они зашли в кабак, наскоро выпили по стакану и вышли, закусывая на ходу печенкой.

Один спросил:

– Ночевать где будешь?

– В Вяземке, – ответил другой.

– На канаву не пойдешь?

– Нет. Там Мишка! Ну его! А ты?

– Я тут... с Лукерьей!

Они остановились у дома Вяземского, этой страшной в то время трущобы, и распрощались.

Я тотчас вернулся в дом Дероберти и вошел прямо в квартиру Никитиной. За некрашеным столом она пила чай, со свистом втягивая его с блюдца. Взглянув на меня, она безучастно спросила:

– Что, милый человек, надо?

Я невольно засмеялся:

– Не узнала?

Она оставила блюдце и всплеснула руками.

– А вот те Христос, не признала, ваше благородие! Вот обрядились-то. Диво! Ей-богу, диво!

– За делом к тебе, – сказал я.

Она тотчас приняла степенный вид и, выглянув в сени, старательно закрыла дверь.

– Что прикажете, ваше благородие?

– У тебя сейчас двое были, вещи продали, – сказал я. – Покажи их!

Она кивнула головой, беспрекословно подошла к сундуку и раскрыла его. Я задрожал от радостного чувства, когда она вытащила и показала мне вещи. Это были довольно старый

полушубок и извозничий кафтан с жестяной бляхой! Чего лучше? Предчувствие меня не обмануло: я напал на след! Но затем наступило разочарование.

– Пятерку дала, – пояснила мне равнодушно Никитина. – Али краденые?

– Другое-то разве несут к тебе? – спросил я. – Ну, вещи пока что пусть будут у тебя. Только не продавай их. А теперь скажи, кто тебе их принес?

Она подняла голову и спокойно ответила:

– А пес их знает. Один через другого, мало ли их идет. Я и не спрашиваю!

– Может, раньше что приносили?

– Нет! Эти в первый раз.

– А в лицо их запомнила?

Она отрицательно покачала головой:

– И в лицо не признаю. Один совсем прятался, в сенях стоял, а другой все рыло воротил. Только и видела, что рыжий. Да мне и в голову не приходило их разглядывать!

Я смущенно вздохнул:

– Ну, так пока что хоть вещи побереги!

И вот на это-то происшествие я и намекнул Келчевскому. Несомненно, я напал на след; я знал это, но вместе с тем у меня в руках еще не было никакого материала. Тем не менее я решил арестовать этих людей и стал их выслеживать.

В то время пока я выслеживал свою дичь, двое надзирателей Нарвской части арестовали двух человек по подозрению.

Так, 4 января 1857 года вечером шли они по Обводному каналу и вдруг слышат, как двое мужчин, нанимая извозчика к Калинкину мосту, говорят ему:

– Только вези нас непременно через погорелые места!

Слова эти показались полицейским подозрительными, и они арестовали обоих мужчин. Прач возликовал. «Самих убийц за ворот ухватили!» – говорил он, пыхтя от волнения. Но мужчины оказались непричастными к преступлению: один был сапожным подмастерьем, другой – сидельцем из лавки, и ехали они к знакомым женщинам.

Слова эти показались полицейским подозрительными, и они арестовали обоих мужчин.

– А наказывали мы ехать через погорелые места от храбрости. Сказывали, что там опасно, ну, а мы так ничего себе, слава богу... – объяснили они, показывая свои кулаки, и их отпустили.

Прач выругал надзирателей и надулся, а тут, словно ему в упрек, 7-го числа я арестовал своих молодцов, обвиняя их в продаже тулупа и армяка.

Келчевский взялся их допросить.

Один из них, рыжий здоровый парень с воровской наглой физиономией, назвался государственным крестьянином Московской губернии Александром Петровым, а другой – любимским мещанином Иваном Григорьевым. Они заявили, что ходят без дела, ищут места, а что до Никитиной, то такой не знают и никаких вещей ей продавать не носили. Уперлись

на этом, и конец. Мы их посадили. Я занялся проверкой паспортов, но там все в порядке. Вызвали Никитину, та или из боязни, или вправду, только не признала ни того ни другого.

А между тем во мне уверенность, что это именно одни из «душителей», была так крепка, что это передалось и Келчевскому, и тот продолжал держать их в тюрьме.

Время шло. Я продолжал свои поиски, но безуспешно. Мои арестанты сидели, и Келчевский также безуспешно разговаривал с ними. Убийства с удушением продолжались. Я уже начал падать духом, как вдруг опять случай пришел мне на помощь.

Я уже выше упоминал про шайку грабителей, действовавшую в это же время в Петербурге. Она состояла всего из шести человек, и тому же Келчевскому было поручено производить по этому делу дознание. Я никогда не упускал случая присутствовать при его беседах с преступниками, если у меня выпадало свободное время. Он тоже, в свою очередь, никогда не отказывал мне в этом, и должен сказать, что если впоследствии, уже будучи начальником сыскной полиции, я умел добиваться признания там, где мои помощники совершенно терялись, то этим я целиком обязан Келчевскому. С десяти слов он умел поставить допрашиваемого в противоречие с самим собой, загонял его, совершенно сбитого с толку, в угол и добивался, наконец, правдивого рассказа.

Так и тут. Разоблачение шайки происходило быстро: роли каждого определялись тотчас, преступления устанавли-

вались, вещи отыскивались.

В тот раз, о котором я повествую, он допрашивал Крюкина, старого рецидивиста. Окончив допрос, он вдруг сказал ему:

– Плохо твое дело, я бы, пожалуй, помог тебе, если бы и ты нам помог...

Лицо Крюкина оживилось надеждой.

– Вам, ваше благородие?

– Где, с кем сидишь?

– Нас много. Восемь!

– А Иванов с тобой?

– Душитель-то?..

Я чуть не подпрыгнул, но Келчевский сохранил полное спокойствие. Он кивнул и сказал:

– Он самый! Дознай от него, скольких он удушил и с кем...

Крюкин покачал головой:

– Трудно, ваше благородие! Действительно, говорил, что душит и вещи продает, а больше ничего. Мы его даже спрашивали: «Как?» А он выругался и говорит: «Я шутил». Ребята сказывали, что знают его, ну а как и что – подлинно никто не знает.

– Ну, а ты узнай! – сказал Келчевский и отпустил его.

– Значит, наша правда! – воскликнул я, едва грабителя увели.

Келчевский засмеялся:

– Наша! Я давно это чувствовал, да конца веревки в руках не было. А теперь все дознаем!

– Вызвать Иванова?

– Непременно! – И он тотчас написал приказ, чтобы ему отпустили из тюрьмы Иванова.

Через полчаса перед нами стоял этот Иванов. Нагло улыбаясь, он отвесил нам поклон и остановился в выжидательной позе.

– Ну, здравствуй, – сказал ему ласково Келчевский. – Сидеть еще не надоело?

Этот допрос происходил 2-го апреля, и, значит, Иванов сидел без малого три месяца.

Он передернул плечами.

– Известно, не мед, – ответил он. – Ну, да я думаю, что господа начальники и смиростивятся когда-нибудь.

Келчевский покачал головою:

– Вряд ли! Суди сам: Петров говорит, что ты душил извозчиков, а я тебя вдруг отпущу!

– Петров?! Ах, он... – воскликнул Иванов.

– Что Петров, – продолжал Келчевский. – И ты сам говорил то же...

– Я?!

– Ты. Крюкину говорил, Зикамский и Ильин тоже слышали. Хочешь, позову их?

– Брежут они. Ничего я такого не говорил.

– Позвать?

– Зовите. Я им в глаза наплюю...

– А что от этого? Все равно сидеть будешь, поймаем еще двух, трех. Поверь, они дураками не будут. Все тебя оклеветают. Благо уже сидишь. Петров-то все рассказал...

Иванов стал горячиться:

– Что рассказал-то? Что?

– Сказал вот, что вещи продавали...

– Ну, продавали. Что еще?

– Что ты душил...

– А он? – закричал неистово Иванов.

– Про себя он ничего не говорил. Ты душил и грабил, а продавали оба, – спокойно ответил Келчевский.

– Он так говорит! – трясая головой и сверкая глазами, закричал Иванов. – Ну так и я тогда! Пиши, ваше благородие! Пиши! Теперь я всю правду вам расскажу.

Келчевский кивнул головою и взял перо.

– Давно бы так, – сказал он. – Ну, говори!

Иванов начал рассказывать, оживленно жестикулируя:

– Убивать, действительно убил. Только не один, а вместе с этим подлецом, Петровым. Удушили извозчика, что в Царское ехал. Взяли у него только это, больше ничего не было.

– Какого извозчика? Где? Когда?

– Какого? Мужика! Ехал в Царское, обратно. Мы его на Волховском шоссе и прикончили. В декабре было.

– Так! Ну, а вещи куда дели? Лошадь, сани?..

– Лошадь мы, как есть двадцать восьмого декабря, в Цар-

ское с саними увезли. Сани продали Костьке Тасину, а лошадь – братьям Дубовицким. Там же, в Царском. Они извоз держат...

– Какая лошадь?

– Рыжая кобыла. На лбу белое пятно, и одно ухо висит.

– А сани?

– Извозчичы. Новые сани – двадцать рублей дали, а за лошадь – двадцать пять.

– А полушубок? Армяк?

– Это тоже у Тасина, а другой – у солдатки. Тот самый, на чем поймались. А остальную одежду, и торбу, и сбрую – в сторожку на Лиговке.

– В какую сторожку?

– В караульный дом, номер одиннадцать. Туда все носят. Сторожу! Вот и все. А что Петров указывает на меня одного, так он брешет. Вместе были, вместе пили...

– Ну, вот и умный, – похвалил его Келчевский. – Теперь мы во всем живо разберемся. – Он написал распоряжение о переводе Иванова в другую камеру и отпустил.

Едва тот ушел, как я вскочил и крепко пожал руку Келчевского.

– Теперь они все у нас! Надо в Царское ехать!

– Прежде всего, его сиятельству доклад изготовить!

– Вот Прач-то обозлится!

Мы засмеялись...

На другой же день о деле было доложено графу Шувало-

ву, и он распорядился тотчас начать энергичные розыски в Царском Селе, для чего командировал меня, Келчевского и еще некоего Прудникова, чиновника особых поручений при губернаторе.

Собственно, самое интересное начинается от этих пор.

В этих розысках я не раз рисковал жизнью, и, может быть, поэтому оно так запечатлелось в моей памяти. Сейчас передо мной лежат сухие полицейские протоколы, а я вижу все происшедшее, как наяву, хотя с той поры прошло добрых 40 лет.

В этих розысках я не раз рисковал жизнью, и, может быть, поэтому оно так запечатлелось в моей памяти. Сейчас передо мной лежат сухие полицейские протоколы, а я вижу все происшедшее, как наяву, хотя с той поры прошло добрых 40 лет.

Итак, нам троим было вверено это дело, а собственно говоря, одному мне. Но еще до приказа графа я уже принялся за розыск. Едва стемнело, я переоделся оборванцем: в рваные галоши на босую ногу, в рваные брюки, женскую теплую кофту с прорванным локтем и в военную засаленную фуражку. Потом подкрасил нос, сделал себе на лице два кровоподтека и, хотя на дворе было изрядно холодно, вышел на улицу и смело пошел на окраину города на Лиговский канал.

И в настоящее время те места, за Московской заставой, туда, к шоссе, представляют собой места небезопасные, но тогда там была совершенная глушь. Тянулись пустыри, не

огороженные даже заборами, а там, у шоссе, стояли одинокие сторожки караульчиков от министерства путей сообщения, в обязанности которых входило наблюдение за порядком на шоссе. Эти крошечные домики стояли друг от друга в 200 саженях. Туда-то и направил я свои шаги.

Иванов указал на караулку под № 11, и я решил прежде всего осмотреть ее изнутри и снаружи. Одинокая караулка стояла в 5 саженях от шоссе. Два крошечных окна и дверь выходили наружу, а с боков и сзади домик окружал невысокий забор. Тут же за домиком протекала Лиговка, за которой чернел лес. Место было глухое. Ветер шумел в лесу и гнал по небу тучи, сквозь которые изредка пробивался месяц. Из двух окон сторожки на шоссе падал бледный свет. Настоящий разбойничий притон!

Я осторожно подошел к караулке и заглянул в окно. Оно было завешено ситцевой тряпкой, но ее края не доходили до косяков, и я видел все, что происходило в комнате.

Комната была большая, с русской печью в углу. Вдоль стены тянулась скамья, перед которой стоял стол, а вокруг него табуретки. У другой стены стояла кровать и над ней висела всякая одежда. За столом, прямо лицом к окну, сидел маленького роста, коренастый блондин, похоже чухонец, и, видимо, силы необыкновенной. У него были белокурые большие усы и изумительные голубые глаза, как глаза ребенка. Прислонясь к его плечу, рядом с ним сидела рослая красивая женщина. Другая женщина сидела к окну спиной, а на

скамье – рослый мужчина в форменном кафтане с бляхой и с трубкой в зубах.

На столе стояли зеленый полуштоф, бутылки с пивом и деревянная чашка с какой-то похлебкой. Видимо, между присутствующими царило согласие. Лица выражали покой и довольство. Чухонец что-то говорил, махая рукой, и все смеялись.

Я решился на отчаянный шаг и постучал в окошко.

Все вздрогнули и обернулись к окну. Чухонец вскочил, но потом опять сел. Сторож пыхнул трубкою, медленно встал и пошел к двери.

Признаюсь, я дрожал: частью от холода, частью от волнения.

Дверь распахнулась, и в ее просвете показалась высокая фигура хозяина. Опираясь плечом о косяк, он свободной рукой придерживал дверь.

– Кто тут? Чего надо? – грубо окликнул он.

Я выступил на свет и снял картуз.

– Пусти, бога ради, обогреться! – сказал я. – Иду в город. Прозяб как кошка.

– Много вас тут шляется! Иди дальше, пока собаку не выпустил!

Но я не отставал:

– Пусти, не дай издохнуть! У меня деньги есть. Возьми, коли так не пускаешь.

Этот аргумент смягчил сторожа.

– Ну, вались! – сказал он, давая дорогу, и, обратившись к чухонцу, громко пояснил: – Бродяга!

Я вошел и непритворно стал прыгать и колотить нога об ногу, так как чувствовал, что они невозможно прозябли. Все засмеялись. Я притворился обиженным.

– Походили бы в этом, – сказал я, сбрасывая с ноги калошу, – просмеялись бы!

– Издалека?

– С Колпина!

– В поворот?

– Оно самое. Иду стрелять пока что...

– По карманам? – засмеялся сторож.

– Ежели очень широкий, а рука близко... Водочки бы, хозяин! Иззяб!

– А деньги есть?

Я захватил с собою гривен семь мелкой монетой и высыпал теперь их на стол.

– Ловко! Где украл?

Я прикинулся снова и резко ответил:

– Ты не помогал, не твое и дело...

– Ну, ну! Мое всегда дело будет! Садись, пей! Стефка, налей!

Сидевшая подле чухонца женщина взяла полуштоф и тотчас налила мне стаканчик. Я чокнулся с чухонцем, выпил и полез в чашку, где были накрошены свекла, огурцы и скверная селедка, что-то вроде винегрета.

Сторож, видимо, успокоился и сел против меня, снова взявшись за трубку. Чухонец с голубыми глазами ребенка стал меня расспрашивать. Я вспомнил историю одного беглого солдата и стал передавать ее как свою биографию. Сторож слушал меня, одобрительно кивая головою; чухонец два раза сам налил мне водки.

Я вспомнил историю одного беглого солдата и стал передавать ее как свою биографию. Сторож слушал меня, одобрительно кивая головою; чухонец два раза сам налил мне водки.

– А где ныне ночевать будешь? – спросил меня сторож, когда я окончил.

– А в лавре! – ответил я.

– Ночуй у меня, – вдруг, к моей радости, предложил мне сторож. – Завтра пойдешь. Вот с ним! – он кивнул на чухонца.

Я равнодушно согласился.

– Как звать-то вас? – спросил я их.

– Сразу в наши записаться хочешь! – засмеялся сторож. – Ну что ж! – И он назвал всех: – Меня Павлом зови. Павел Славинский, я тут сторожем. Это дочки мои: Анна да Стефка – беспутная девка, а этого – Мишкой. Вот и все. А теперь иди, покажу, где спать тебе!

Я простился со всеми за руку, и он свел меня в угол за печку. Там лежали вонючий тюфяк и грязная подушка.

– Тут и спи! Тепло и не дует! – сказал он и вернулся в

горницу.

Я видел свет и слышал голоса. Потом все смолкло. Мимо меня прошли дочери хозяина и скрылись за дверью. Павел с Наяненом о чем-то шептались, но я не мог разобрать их голосов. Вдруг дом содрогнулся от ударов в дверь. Я насто-рожился. В ту же минуту на меня пахнул холодный воздух и раздался оглушительный голос:

– Водки, черт вас дери!

– Чего орешь, дурак! – остановил его Павел.

– Дурак! Вам легко лаяться, а я, почитай, шесть часов на шоссе простоял. Так ничего себе!

– А чего стоял?

– Чего? Известно, чего: проезжего ждал!

– Ну, дурак и есть! – послышался голос Мишки. – Ведь было сказано: пока наших не выпустят – остановиться.

– Го, го! Дураки вы, если так решили. Остановитесь, то все скажут: они и душили! А их выручать надо.

– Лучше двое, чем все!

– Небось! Лучше ни одного...

– Жди, дурак! У них там завелся черт Путилин. Всех вы-нюхает.

– А я ему леща в бок.

Я тихо засмеялся. Если бы знал Павел Славинский, кого он приютил у себя! Они продолжали говорить с полной откровенностью.

– А у Сверчинского кто?

– Сашка с Митькой.

– А они как решили?

– Да как я! Души!.. – И пришедший грубо расхохотался. –

Значит, к тебе и добра не носить? А?

– Зачем? Носить можешь. Я куплю.

– Ну, то-то! Так бери!

И на стол упало что-то тяжелое.

– Постой! – вдруг сказал Мишка, и я услышал его шаги.

Я тотчас раскинулся на тюфяке и притворился спящим.

Он нагнулся и ткнул меня в бок. Я замычал и повернулся.

Он отошел.

– Что принес? – почти тотчас раздался голос Павла.

– А ты гляди!..

Послышался легкий шум, что-то стукнуло, потом раздалось хлопанье по чему-то мягкому, и все время шел разговор отрывочными фразами.

– Где достал?

– А тебе что?

– Нет. Я так. Дрянь уж большая.

– Скажи пожалуйста, дрянь! За такую дрянь по сто рублей платят!

– Где как, а у меня красненькую...

– Красненькую. Да ты жид, что ли!

И тут поднялся такой шум, что от него впору было проснуться мертвому.

– Тише вы, дьяволы! – закричал наконец Мишка. – Ведь

тут... – И он не договорил, вероятно сделав жест.

– А ну его! – отозвался хозяин. – Он нашим будет! Ну, двадцать рублей, и крышка!

Они опять стали кричать. Потом на чем-то поладили.

– Ну, пошел, – сказал пришедший.

– Куда?

– А к сосуду. Пить. Идем, что ли...

– Можно! – отозвался хозяин. – А ты?

– Кто же дом постережет? – ответил Мишка. – Нет, я останусь!

– Как хочешь...

– Ха-ха-ха! – захохотал гость. – Он не соскучится!

– Мели, мели!..

Послышалось шарканье ног, пахнул холодный воздух, хлопнула дверь, и все стихло.

Через минуту Мишка прошел мимо меня и стукнул в дверь, за которую ушли девушки.

– Стефа! – окликнул он. – Иди! Никого нет...

Он отошел. Почти тотчас скрипнула дверь, и мимо меня мелькнула Стефания, босиком, в длинной холщовой рубашке. Раздался звук поцелуя.

– Куда отец ушел?

– С Сашкой в девятый номер! До утра будут.

И снова раздался поцелуй и несвязный шепот. Интерес для меня окончился, и я заснул.

Еще было темно, когда Мишка разбудил меня и сказал:

– Я иду в город. Иди и ты!

Я тотчас вскочил на ноги. Мишка с детскими, невинными глазами производил на меня впечатление разбойника. Впоследствии, во время своей службы, я не раз имел случай убедиться, насколько ошибочно мнение о том, что глаза есть «зеркало души».

Я тотчас вскочил на ноги. Мишка с детскими, невинными глазами производил на меня впечатление разбойника. Впоследствии, во время своей службы, я не раз имел случай убедиться, насколько ошибочно мнение о том, что глаза есть «зеркало души».

Самого Славинского не было. Стефания лениво нацедила какой-то коричневой бурды в кружку, предложив ее мне вместо кофе. Я выпил и взял картуз.

– Заходи, – просто сказала Стефания. – Отец покупает разные вещи!

– Это на руку! – весело ответил я. – Буду нынче же.

– Если не попадешься, – прибавил Мишка.

– Сразу-то? Шалишь!.. Ну, прощенья просим!

Я простился с девушкой за руку и пошел. Мишка задержался на минуту, потом догнал меня.

– Хорошо спал? – спросил он.

– Как собака!

Мы сделали несколько шагов молча; потом Мишка стал говорить, сперва издали, потом прямее:

– Теперь в Питере вашего-то брата, беглых разных, пруды

пруды! Только не лафа им...

– А что?

– Ловят! Уж на что шустрые ребята, что извозчиков щупали, но и тех всех переняли... Опять воров...

– Меня не поймают...

– Это почему?

– Потому что один буду работать.

– И хуже. Обществом куда способнее: тебе найдут, тебе укажут. Действуй! А там и вещи сплавят, и тебя укроют... Нет, одному куда хуже! Ты вот с вещами... а куда идти? Иди к Павлу. Ты с ним сдружись. Польза будет!

– А тебе есть польза? – спросил я смело.

Он усмехнулся.

– Много будешь знать – скоро состаришься! Походи к нему, увидишь. Ну, я в сторону!

Мы дошли до Обводного канала.

– Прощай!

– Если что будет али ночевать негде, иди к Павлу!

– Ладно! – ответил я и, простившись, зашагал по улице.

Мишка скрылся в доме Тарасова.

Я нарочно делал крюки, путался на Сенной, петлял и потом осторожно юркнул в свою Подъяческую, где тогда жил.

Умывшись и переодевшись, я прямо прошел в Нарвскую часть, где Келчевский встретил меня радостным известием о командировке.

Я засмеялся.

– Пока что я и до командировки половину знаю!

– Да ну? Что же?

– Это уж потом! – сказал я. – Вернемся, сразу по следу пойдем.

– Отлично! Ну, а теперь, когда же едем и куда?

– В Царское! Хоть сейчас!

– Ишь какой прыткий! А Прудников?

– Ну, вы с ним и отправляйтесь, а я сейчас один, – решительно заявил я.

Келчевский тотчас согласился:

– Где же увидимся?

– А вы прямо в полицейское присутствие. Я туда и заявлюсь!

– С Богом!

Келчевский пожал мне руку, и я отправился.

Поездка в Царское явилась для меня совершенно пустым делом. Я захватил с собою шустрого еврея, Ицку Погилевича, который служил в городской страже, и вместе с ним закончил все дело часа в два. Взяв из полиции городских, я прямо явился к содержателям извозничьего двора Ивану и Василию Дубовецким, и, пока их арестовывал мой Ицка, успел отыскать и лошадь, и упряжь, проданные им моими арестантами. Я отправил их в часть, а сам с Ицкою и двумя стражниками поскакал в Кузьмино к крестьянину Тасину и опять без всякого сопротивления арестовал его, а Ицка разыскал двое саней и полушубок со следами крови.

Мы привезли Тасина и все добро в управление полиции, и, когда приехали Келчевский и Прудников, я им представил и людей, и вещи, и полный отчет. Как сейчас помню изумление Прудникова моей быстроте и распорядительности, а Келчевский только засмеялся.

– Вы еще не знаете нашего Ивана Дмитриевича! – сказал он.

В ответ на эти похвалы я указал только на своего Ицку, прося отметить его.

Между прочим, это был очень интересный еврей. Как он попал в стражники, я не знаю. Трусливый он был, как заяц. Но как сыщик – незаменим. Потом он долго служил у меня, и самые рискованные или щекотливые расследования я всегда поручал ему. Маленький, рыжий, с острым, как шило, носом, с крошечными глазками под распухшими воспаленными веками, он производил самое жалкое впечатление безобидной ничтожности и с этим видом полной приниженности проникал всюду. В отношении же обыска или розыска вещей у него был прямо феноменальный нюх. Он, когда все теряли надежду найти что-нибудь, вдруг вытаскивал вещи из трубы, из-за печки, а один раз нашел украденные деньги у грудного младенца в пеленках! Но о нем еще будет немало воспоминаний.

Келчевский и Прудников, не теряя времени, тотчас приступили к допросу. Первого вызвали Тасина.

Он тотчас повалился в ноги и стал виниться:

– Пришли двое и продают. Вещи хорошие и дешево. Разве я знал, что это грабленное?

– А кровь на полушубке?

– Они сказали, что свинью кололи к празднику, от того и кровь!

– А откуда они узнали тебя?

– Так пришли. Шли и зашли!

– Ты им говорил свое имя?

– Нет!

– А как же они тебя называли? Идите, говорят, к Константину Тасину. А?

Он сделал глупое лицо:

– Спросили у кого-нибудь...

– Так! Ну, а ты их знаешь?

– В первый раз видел и больше ни разу!

Прудников ничего больше не мог добиться. Тогда вмешался Келчевский.

– Слушай, дурень, – сказал он убедительным тоном, – ведь от твоего запирательства тебе не добро, а только вред будет! Привезем тебя в Петербург, там тебя твои же продавцы в глаза уличат да еще наплетут на тебя. И мы им поверим, а тебе нет, потому что ты и сейчас вот врешь и запираешься.

Тасин потупился.

– Иди! Мы пока других допросим, а ты подумай!

И Келчевский велел увести Тасина, а на смену привести братьев, по очереди.

Первым вошел Иван Дубовецкий. Высокий, здоровый парень, он производил впечатление красавца.

– Попутал грех, – сказал он. – Этих самых Петрова да Иванова я еще знал, когда они в бегах тут околачивались. Первые воры, и, сказать правду, боялся я их: не пусти ночевать, двор спялят, и пускал. Ну, а потом они, значит, в Питер ушли, а там мне стали лошадок приводить и задешево. Я и брал. С одной стороны, ваше благородие, дешево, а с другой – боялся я их, – чистосердечно сознался он.

– Знали вы, что это лошади от убитых извозчиков?

Он замялся.

– Смекал, ваше благородие, а спросить – не спрашивал. Боязно. Раз только сказал им: „Вы, братцы, моих ребят не замайте!“, они засмеялись да и говорят: „А ты пометь их!“ Только и было разговора!

Его отослали, а на смену вызвали его брата.

Совершенная противоположность Ивану, Василий был слабогрудый, бледный, испитой парень. Он тяжело дышал и упорно кашлял глухим кашлем.

– Ничего не знаю, – сказал он. – Брат всем делом ведает, а я больной, на печи лежу.

– Знал ты бродяг Петрова и Иванова?

– Ходили такие. Раньше даже ночевали у нас, брат очень опасался их.

Мы снова позвали Тасина. Слова Келчевского, видимо, оказали свое влияние.

– Припомнил я их, – сказал он сразу, как вошел. – Петров – один, а другой – Иванов. Петров тоже и не Петров, а беглый какой-то... Познакомился я с ними, когда они в Царском жили, а потом ушли в Питер и оттуда мне вещи привозили. Их там шайка целая. Всех-то я не знаю, и никого не знаю, а только главное место, где они собираются, это будки на шоссе.

– Девять и одиннадцать? – спросил я. – Славинского и Сверчинского?

Тасин тотчас закивал головою:

– Вот-вот! У них все гнездо! Там они и живут, почитай, все!

– Все. А ты кого знаешь из них?

– Только двоих и знаю.

Больше от него узнать было ничего невозможно. Мы собрались уезжать. Двух Дубовецких и Тасина при нас же отправили с конвоем в Петербург, а следом за ними поехали и мы сами. Келчевский потирал руки.

– Ну, значит, эти душителы все у нас!

– Надо думать!

– Скажите, пожалуйста, – обратился ко мне Прудников, – откуда вы узнали про этих... ну, как их... сторожей?..

– Про Славинского и Сверчинского? Очень просто. Я был у Славинского.

– Были?! – воскликнул Келчевский.

Мне стало даже смешно.

– Я эту ночь ночевал у него в сторожке, – сказал я и рассказал обо всем происшедшем. – Видимо, этот Мишка – у них штука немалая, – окончил я.

– Значит, их всех и арестовать можно?

– Можно, но надо уловить момент!

– Отлично, – засмеялся Прудников. – Сперва уловим момент, потом их! Поручаем это всецело вам.

Я поклонился.

Мы приехали в Петербург. Я отправился домой отдохнуть и позвал к себе Ицку, а Келчевский с Прудниковым поехали продолжать свои допросы.

– Слушай – сказал я Погилевичу, – вот в чем дело...

Я рассказал ему про свою ночевку в будке № 9, описал Мишку, Славинского, девушек и окончил свой рассказ словами:

– Так вот надо теперь, во-первых, выследить всех, кто там бывает, и узнать их имена. Раз! Потом узнать, когда они там соберутся. Два! И три – переловить их. Но это уже не наше дело. Наше дело накрыть! Понял?

– Ну и чего же тут не понять! – сказал Ицка.

– А тогда – шагай!

Ицка ушел и с этого же часа начал действовать.

Лично сам я был еще один раз в разбойничьем гнезде для того, чтобы лучше осмотреть его. Павел Славинский и Стефания приняли меня очень радушно. У них был тот ночной гость, который увел Павла пьянствовать к соседу; он оказал-

ся каким-то Сашкой и потом причинил мне немало хлопот. Я сразу запомнил его зверскую рожу. Мишки не было, и как ни хотелось мне проникнуть к Сверчинскому, этого не удалось. Павел вышел вместе со мной осмотреть шоссе и проводил меня до заставы.

– Приходи в конце недели, – сказал он. – Будет работа!

Но вместо меня будку № 11 выглядел отлично мой Ицка.

8-го числа поздно ночью ко мне пришел Ицка бледный, усталый, встрепанный и сказал:

– Уф! Завтра ночью они все там будут.

– Откуда узнал?

– Ну, и не все ли равно! Завтра они будут уговаривать-ся о делах, а Мишка будет убивать на шоссе, и с Мишкой – Калина. Этот Калина такой разбойник. Уф! Он уже четырех убил...

– Где же соберутся?

– И тут и там.

– Ну, завтра их и переловим! – сказал я и, невзирая на ночь, послал уведомить Келчевского.

Рано утром я, Келчевский и Прудников собрались на совещание. Я изложил им свой план. Мы возьмем с собою команду в 14 человек, по 7 на каждую будку, из отборных людей. С одними пойдет Ицка, с другими – я. Дело сделаем ночью. Они сойдутся поодиночке в назначенные пункты передетыми, а потом приедем мы и начнем облаву. Они согласились с моим планом. Во главе отобранных стражников мы

поставили двух силачей: городского Смирнова и стражника Петрушева. Они одни свободно могли справиться с десятком.

Наступил вечер. Мы собрались, и перед нами выстроились 14 бродяг.

– Так вот! – сказал я им. – По одному, по два идите за Московскую заставу на Волковское шоссе, Ицка вам укажет места. В час ночи я там буду, и тогда уже за работу!

– Рады стараться! – ответил Петрушев, и они ушли.

Прудников был бледен и, видимо, волновался. Келчевский выпил здоровую порцию коньяку, и только я один, скажу без всякого хвастовства, чувствовал себя как рыба в воде. Я верил в успех предприятия, предстоящая опасность словно радовала меня, и, теперь я могу сознаться, я видел в этом деле возможность отличиться и обратить на себя внимание.

Кое-как мы досидели до 12 часов.

– Едем! – наконец сказал я.

Мы встали и тронулись в опасную экспедицию. До заставы мы доехали, приказали ямщику нас ждать, а дальше пошли пешком. Ночь была ясная, хотя без луны. В 6–8 шагах можно было различить человека, и поэтому мы, хотя и переодетые блузниками, все-таки шли не тесною группой, а гуськом, и я повел всех не прямо по шоссе, а стороной, по самому берегу Лиговки.

На другой стороне реки чернел лес, кругом было мертвенно тихо, и среди этой тишины, осознавая предстоящий риск,

становилось немного жутко. Мне порой казалось, что я слышу, как щелкают зубы у Прудникова, который шел сразу за мною.

Мы вошли в редкий кустарник; голые прутья тянулись со всех сторон и цеплялись за нашу одежду. Вдруг прямо передо мною выросла фигура. Я невольно опустил руку в карман, где у меня всегда лежал массивный кастет (между прочим, во все времена этот кастет был единственным моим оружием).

— Это я, — ответил в темноте Ицка.

Прудников и Келчевский тотчас приблизились.

— Все готово?

— И все! — ответил Ицка. — И они все пьют! Только Мишки нет.

— Не ждать же его, — сказал я. — Где наши?

— Здесь!

Ицка провел нас к самому берегу, и там мы увидели всех наших молодых.

— Ну, так за работу, братцы! — сказал я. — Помните, руки за лопатки и вязать. Оружия никакого!

— Слушаем! — ответил Смирнов.

— Ты, Петрушев, и вы... — я указал на каждого, — идите за Погилевичем и ждите нас! А вы за мной!

Семь человек отделились и осторожно пошли вдоль берега.

Я обратился к Келчевскому и Прудникову:

— Ну, будем действовать! Вы и с вами трое станете позади

дома. Четверых я возьму с собой. Идемте!

Мы прошли несколько сажень и очутились подле сторожки. Она стояла мрачная, одинокая, и из ее двух окошек, как и тогда, падал желтоватый свет. Я остановился и отделил четверых.

– Как только я свистну, прямо срывайте дверь, если заперта. Но я отворю ее. А теперь прячьтесь!

Я подошел к знакомой сторожке и смело ударил в дверь. Она отворилась через минуту.

– Кто? – спросил Славинский, держа в зубах неизменную трубку.

– Впусти! Али своих не узнаешь! – ответил я.

– А! Колпинский! – отозвался сторож. – Иди, иди!

Я смело вошел и очутился в настоящей разбойничьей шайке. За столом, кроме хозяина с дочерьми, сидели и пили огромный Сашка, Сергей Степанов, Васильев и знаменитый Калина.

– А где Мишка? – спросил я добродушно у Стефании.

– А кто его знает, – ответил Калина. – Ты скажи лучше, откуда ты так вырядился? Ишь гоголем каким!

На мне было все крепкое и новое, и одет я был скорее рабочим с хорошим жалованьем, чем побирешкой.

– Завел матаньку и обрядился. Дело нетрудное! – ответил я, замечая в то же время, что Сашка не спускает с меня пытливого взора.

– Ну так как же нынче? – начал Славинский.

— А так же, — заявил вдруг Сашка, хлопнув кулаком. — Вы-
проводи сперва этого гуся, а там и толковать будем! — И он
злобно сверкнул на меня глазами.

Я решился действовать.

— Кричит кто-то! — воскликнул я и, бросившись к двери,
тотчас открыл ее и крикнул: — Вались, ребята!

— Что я говорил! — заревел Сашка. В то же время я полу-
чил страшный удар в плечо, и он мелькнул мимо меня, рва-
нувшись между вбегающими моими молодцами.

— Вяжи всех! — крикнул я им и бросился за Сашкой.

Он быстро обогнул дом и побежал к берегу Лиговки. Я
бежал за ним, крепко сжимая в руке свой кастет.

— Держи его! — крикнул я на ходу оставшимся трем на
страже.

Они тотчас побежали ему наперерез, но он мелькнул ми-
мо них, бросился в речку и переплыл на другую сторону.

— Попадись только мне! — раздалась с того берега его угро-
за, и он исчез.

Я взял с собой оставшихся трех стражников и вместе с
Келчевским и Прудниковым побежал к дому. Но там было
уже все кончено: Калина, Степанов и Васильев со Славин-
ским были связаны, и подле каждого стоял дюжий городо-
вой. Стефания и Анна сидели в углу на лавке и ревели во
весь голос.

Я взял с собой оставшихся трех стражников и вместе
с Келчевским и Прудниковым побежал к дому. Но там

было уже все кончено: Калина, Степанов и Васильев со Славинским были связаны, и подле каждого стоял дюжий городской.

– Идем к Сверчинскому! – сказал Келчевский, и мы направились туда.

Навстречу нам бежал, тяжело дыша, какой-то мужчина и, увидев нас, рванул в сторону, но наши молодцы тотчас нагнали его и арестовали. Им оказался сам Сверчинский. Остальные, бывшие в его сторожке, – Иван Григорьев и Егор Чудаков – были переловлены ловким Ицкою.

– С добрым уловом! – радостно поздравил нас Прудников, у которого уже прошел весь страх.

– И домой! – добавил Келчевский.

Мы отправили всех со связанными за спиной руками под строгим конвоем в тюрьму, а сами, весело разговаривая, дошли до заставы и поехали по домам.

На другой день Шувалов, выслушав доклад о поимке почти всей шайки «душителй», назначил Келчевскому и Прудникову произвести по всем их преступлениям строжайшее расследование, определив им в помощники приставов Прача и Сергеева. И началось распутывание целого ряда страшнейших преступлений. Но моя роль еще не окончилась. Впереди оказалось еще много дел, сопряженных с немалым риском и немалыми хлопотами.

Расследование началось на другой же день. Друг за другом вводили в комнату разбойников, временно закованных,

снимали с них первое дознание. Я присутствовал на всех допросах.

У нас оказались арестованными: в самом начале мною – Александр Петров и Григорий Иванов; затем арестованные в Царском Селе – братья Дубовицкие и Константин Тасин, потом арестованные на облаве: Сверчинский и Славинский, Калина Еремеев, Иван Григорьев, Сергей Степанов, Егор Чудаков, Василий Васильев, Федор Андреев, и, наконец, уже по их указаниям мы арестовали: извозчиков Михаила Федорова и Адама Иванова, дворника Архипа Эртелева, портьерщика Федора Антонова и женщин – Марью Михайлову, Ульяну Кусову и Стефанию Славинскую. Всего 20 человек. Вся шайка с убийцами, притонодержателями и укрывателями была в наших руках, и только два самих страшных разбойника еще гуляли на свободе. Эти были Михаил Ноянен – тот Мишка с детскими глазами, с которым я провел ночь, и Александр Перфильев – тот, что удрал от нас, переплыв Лиговку.

Я взял на себя обязательство поймать их обоих и твердо решил выполнить эту задачу. Позже они и были пойманы мной. Как? Расскажу об этом после, а теперь передам вкратце результат наших расследований и краткие характеристики этих страшных разбойников, для которых убийство являлось более легким делом, чем выкурить папиросу.

Действительно, это были не люди, а какие-то выродки человечества. Во главе всех стоял какой-то Федор Иванов. Мы

не могли сразу сообразить, на какого Иванова указывают все убийцы как на своего соучастника, пока не произвели очных ставок. И что же? Этим Федором Ивановым оказался ранее всех арестованный мною Александр Петров! Я невольно засмеялся.

– Ах, дурак, дурак! – сказал я ему. – Что же это ты по паспорту Петров, а для приятелей Иванов? Говорил бы уж всем одно, а то на! Кто же ты: Петров или Иванов?

– Александр Петров, – отвечал он. – А назывался у них Ивановым Федькой для успокоения.

– Кто же ты?

– Крестьянин!

– Покажи спину! – вдруг сказал Келчевский. – Разденьте его!

С него сняли рубашку, и мы увидели спину, всю покрытую шрамами от старых ударов.

– По зеленой улице ходил, – сказал Келчевский. – Ну, брат, не упирайся. Ты беглый солдат, и звать тебя Федором Ивановым.

Но он уперся. Два месяца прошло, пока мы собрали о нем все справки и восстановили его личность. Тогда он сознался и перечислил все свои преступления.

Действительно, он оказался Федором Ивановым, бывшим рядовым Ковенского гарнизона. Там он проворовался и сбежал; его поймали и наказали шпицрутенами через 500 человек. После этого он вновь проворовался и бежал вторично, и

вторично был наказан через 500 человек. Его сослали в арестантские роты в Динабург, и он оттуда бежал в 1854 году. Зверь на свободе!

Он объявился в Петербурге, занимался кражами, а в следующем году познакомился в сторожке Славинского с Михаилом Пояненом и начал свои страшные разбои. Он один убил крестьянина Кокко и матроса Кулькова, вместе с Калиною – чухонца на Ропшинской дороге, потом опять с Пояненом удушил Корванена. После этого сошелся с Калиною Еремеевым, Иваном Григорьевым и остальными и, приняв над ними командование, стал производить страшные грабежи и убийства, участвуя почти во всех лично.

Он смеялся, рассказывая про свои подвиги, а все, показывавшие против него, трепетали при одном его имени. И действительно, я не видал более типичного разбойника, разве что Михаил Поянен с детскими глазами.

Следом за ним выступает Калина Еремеев, 22 лет. Бывший пехотный солдат, а теперь крестьянин. Он производил впечатление добродушного парня, а между тем все удушения в Петербурге совершены были им с Ивановым, да еще в Кронштадте он убил крестьянина Ковена и жену квартирмейстера Аксиныю Капитонову.

– Пустое дело, – добродушно объяснял он процесс убийства. – Накинешь сзади петлю и потянешь. Коленом в спину упрешься. Он захрипит, руками разведет, и все тут!

Этот Калина вместе с Федором Ивановым были ужасны.

Между прочим, Калина рассказал про убийство под Ролшею неизвестного человека, которого они там же и похоронили.

Мы выехали с ним на место убийства. Пустынная дорога, перелесок, и тут, под сосною, Калина указал рыть. И мы вырыли труп с проломленным черепом. Другой труп он указал в Кронштадте, труп матроса Кулькова, которого он убил ударом долота в грудь. Эти двое были, по сравнению с прочими, настоящими разбойниками. Остальные все участвовали понемножку. Так, Василий Васильев вместе с Калиною задушил только (!) двух человек; Григорий Иванов и Федор Андреев занимались только кражами и в крови рук не пачкали; извозчик Адам Иванов знал в лицо «душителей», но не доносил на них из боязни. Затем женщины, являясь любовницами убийц, укрывали часто и их, и вещи, а Стефания, как выяснилось, была в некотором роде вдохновительницей убийц.

Шайка была организована образцово. После убийства «душителю» ехали прямо в дом Дерберти, и там дворник дома, Архип Эргелев, прятал и лошадь, и экипаж в сарае. Иногда у него стояло по три лошади. Сторожа Сверчинский и Славинский давали «душителям» приют, и у них в домиках совершались и дуван, и попойка, и составлялись планы. Изредка они покупали и вещи, но этим делом больше занимался содержатель портерной Федор Антонов.

Картины, одна страшнее другой, проходили перед нами на этом следствии, и на фоне всех ужасов на первом плане

рисовались люди-звери, настоящие разбойники: Федор Иванов, Калина Еремеев, Михаил Поянен и Александр Перфильев.

Картины, одна страшнее другой, проходили перед нами на этом следствии, и на фоне всех ужасов на первом плане рисовались люди-звери, настоящие разбойники: Федор Иванов, Калина Еремеев, Михаил Поянен и Александр Перфильев.

Первые два были у нас и уже во всем повинились, а двое других все еще гуляли на свободе. Я искал их без устали вместе с Ицкою Погилевичем, и наконец мои старания были вознаграждены успехом. Я поймал их обоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.